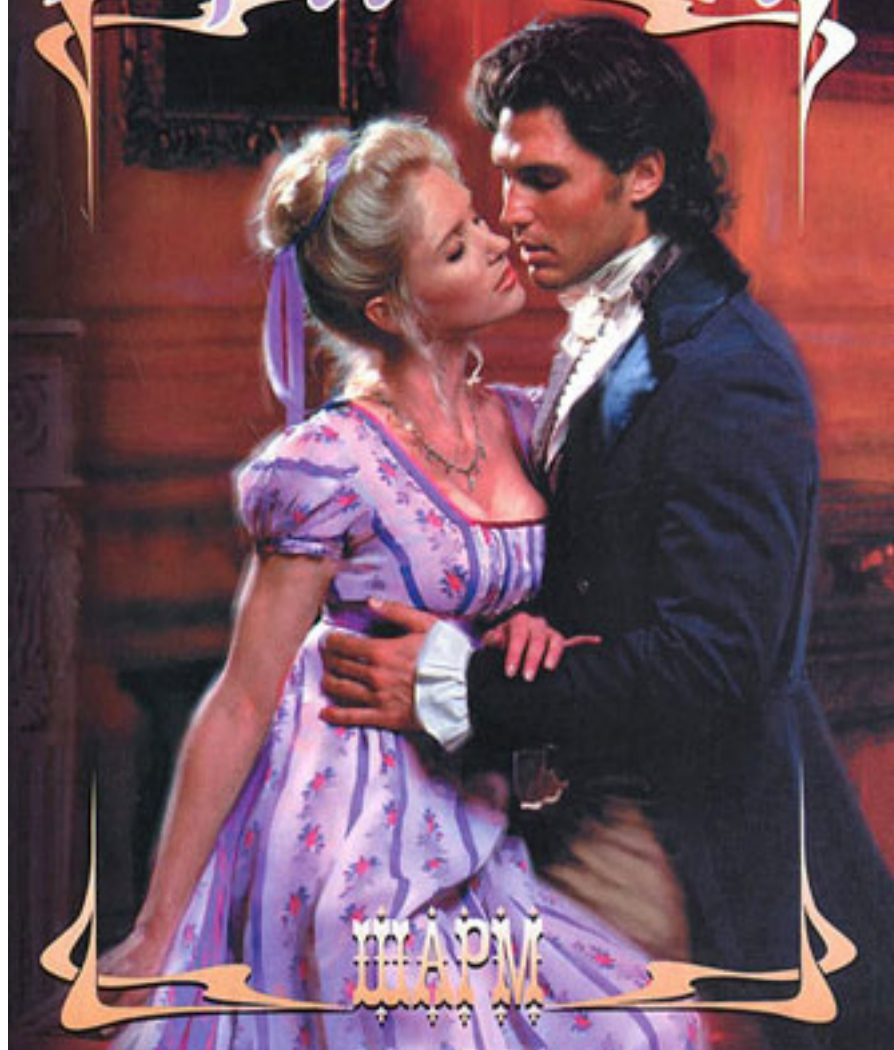

МЭДЛИН ХАНТЕР

Опасность в бриллиантах

Мэдлин Хантер

Опасность в бриллиантах

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3920655

Опасность в бриллиантах : роман / Мэдлин Хантер; пер. с англ. Е. Максимовой.: Астрель;

Москва; 2012

ISBN 978-5-271-40671-3

Аннотация

Разве хозяйка небольшого цветочного магазина пара светскому повесе Тристану, герцогу Каслфорду?

Для супруги Дафна Джойс бедна и незнатна, а для любовницы чересчур независима и респектабельна.

Однако герцог мечтает об этой женщине с той секунды, как впервые увидел ее. И каждый раз, когда пускает в ход свое мужское обаяние – получает решительный отпор.

Но внезапно Тристану становится известно, что у них с Дафной имеется общий враг, совместная борьба против которого поможет Каслфорду заслужить доверие прекрасной цветочницы.

А от доверия – лишь шаг до настоящей любви...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мэдлин Хантер

Опасность в бриллиантах

Печатается с разрешения издательства

The Berkley Publishing Group, a member of Penguin Group (USA) Inc.

и литературного агентства Andrew Nurnberg.;

© Madeline Hunter, 2011

© Перевод. Е. Максимова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Глава 1

Смерть герцога заставляет горевать многих, но в особенности тех, кто зависел от его покровительства. Поэтому кончина четвертого герцога Бексбриджа вызвала море слез у его родных. Однако кое-кому пришлось подавить неуместную улыбку, особенно тем нескольким, кого герцог упомянул в завещании, назначив содержание или оставив подарок.

Но один из таких наследников не рыдал и не ликовал. Более того, только во вторник после похорон герцога он все же обратил внимание на то, что вообще что-то получил – это было весьма странным.

– Надеюсь, он не рассчитывал, что в благодарность я погружусь в пучину скорби, – пробормотал Тристан, герцог Каслфорд.

Он изучал состояние дел в только что унаследованной собственности. Если бы из-за обычного по вторникам воздержания не так болела голова, он бы, вероятно, сумел изобразить горе или тоску по недавно скончавшемуся пэру, но даже в лучшие его дни для этого потребовались бы чрезмерные усилия. Они с Бексбриджем состояли в побочном родстве, весьма далеком, и, похоже, таким же далеким было завещанное ему имущество и по размерам – небольшим. Настолько небольшой и незначительной была унаследованная собственность, что вряд ли стоила чернил, которые пошли, чтобы записать этот дар в завещании.

– Вы не горюете? Герцог был очень значительным и весьма уважаемым человеком, – произнес мистер Эдвардс, очкастый секретарь, подняв голову от заваленного бумагами стола в кабинете, где они вдвоем разбирались в делах Каслфорда.

– Он был ослом. Нет, гораздо хуже – занудным, самодовольным ослом. Занудство просто утомляет, а вот самодовольство уже непростительно.

Эта последняя черта характера передавалась по наследству, но с точки зрения Каслфорда, это вряд ли извиняло стремление Бексбриджа занудливо ее придерживаться. Вся эта ветвь запутанного семейного древа была так напыщенно добродетельна, что просто тошнило. Однако в любом случае, если бы Бексбридж жил и давал жить другим, его можно было бы терпеть.

Но разумеется, он не мог «давать жить другим». Все до единого Бексбриджи не сомневались, что они, как образцы добродетели, обязаны напоминать остальным, что необходимо стремиться к такому же занудству. Предвкушая получение наследства, сын и наследник Бексбриджа, Джером, граф Латам, публиковал популярные статьи о нравственности. Таким образом, при помощи печати следующий герцог Бексбридж выразил свое недовольство миром и своими чертовыми эссе заработал себе репутацию третейского судьи по вопросам нравственности и морали.

Каслфорд с удовольствием поглумился бы над иронией ситуации, но если он начнет об этом задумываться, голова разболится сильнее. Однако Латама он знал лучше, чем кто-либо еще в этом мире. Будучи ровесниками, они в прошлом не раз вместе устраивали заварушки. Даже на самых ухоженных ветвях семейных деревьев вырастают червивые плоды. Занудливого осла вот-вот победит опасный лицемер.

– У вас на лице то самое хнычущее выражение, Эдвардс, какое появляется, когда вы давитесь непроизнесенными словами. Похоже, вы не одобряете то, что я плохо говорю об умерших?

Эдвардс покраснел. Ему было всего двадцать пять лет, и он еще не научился держать хотя бы по вторникам свои мысли при себе, в особенности когда хозяин предлагал говорить напрямик.

– Герцог не имел себе равных и был весьма щедрым. Я слышал, что по завещанию он обеспечил целый сиротский приют, – сказал Эдвардс.

– Не имел себе равных? То есть вы говорите мне прямо в лицо, что я ему не ровня? Какая неблагодарность со стороны секретаря, который работает по-настоящему всего один день в неделю, когда и я сам, а в остальное время имеет свободу передвижений, не подобающую ни одному слуге!

– Я... то есть вы тоже не имеете себе равных, ваша светлость. Все так говорят, и...

– Я не придерживаюсь мнения, что про умерших ослов нужно вспоминать с любовью только потому, что у них хватает средств раздавать направо и налево подарки, заставляя людей чувствовать себя обязанными. Что до его щедрости по отношению именно ко мне, то эти крохотные клочки земли мне не нужны, и я их никогда не хотел и никогда о них не знал! Этот человек умудряется создавать неудобства другим даже из могилы.

– У всех этих владений есть арендаторы, а управлять ими не так уж и сложно, – заметил секретарь.

Каслфорд всмотрелся в документы.

– Очень странно, что он вообще оставил их мне. Мы никогда не любили друг друга и уже много лет не обменивались даже учтивостями.

Он высказался крайне сдержанно. Их редкие встречи всегда заканчивались упреками со стороны Бексбриджа и колкостями со стороны Каслфорда.

Вместе с документами о наследстве доставили письмо. Каслфорд разорвал конверт.

«Каслфорд!

Вы наверняка удивлены наследством, которое я вам оставил, поскольку в отличие от многих других вам ничего от меня не нужно – ни земель, ни денег, составляющих лишь каплю в океане вашего состояния. Поэтому осмелюсь предположить, что вы не расстроитесь, узнав, что в мои намерения не входило дать вам насладиться полученным. Совсем наоборот, я полагаюсь на то небольшое хорошее, что еще осталось в вас, и прошу, чтобы вы тайно уладили дело, о котором мне не хотелось бы упоминать в завещании.

Земельными участками, оставленными вам, в настоящее время пользуются арендаторы, в чьем благополучии я искренне заинтересован. Согласно моему волеизъявлению, должно и дальше разрешить этим арендаторам выплачивать ренту в размере один фунт в год. Кроме того, деньги, оставленные вам, следует использовать для того, чтобы у семей этих арендаторов никогда не возникала нужда в обеспечении основных жизненных потребностей.

Надеюсь, ваши управляющие сумеют уладить этот пустяк, не беспокоя вас. Это дело ни в коем случае не должно мешать пьянству и блуду, коими вы преимущественно заняты. Они, как я вынужден вам напомнить, создают дурную репутацию вашему имени и происхождению, а также ведут к ранней смерти и навлекают неотвратимое проклятие на вашу вечную душу. Бексбридж».

Каслфорд помотал головой. Даже в этом письме – в котором он налагал непрошенные обязательства на дальнего родственника, не испытывающего к нему никакой привязанности, – Бексбридж не сумел удержаться от упреков.

– Полагаю, мне придется вскоре навестить эти клочки земли, иначе я могу совсем о них забыть. Возьмите карты и отметьте их, Эдвардс. Я разберусь с этим еще до конца лета.

– Вряд ли это возможно, сэр. Если продолжать заниматься обычными делами, вам не хватит для этих поездок вторников.

– Успокойтесь, Эдвардс. Чтобы посетить свои имения, мне совсем не обязательно быть трезвым.

Дафна Джойс просмотрела почту, принесенную Кэтрин, и постаралась скрыть свое разочарование, когда стало понятно, что нет письма, которого можно было ждать после прочтения в газете о смерти герцога Бексбриджа. Ее замутило от дурного предчувствия. Если письмо не пришло до сих пор, оно скорее всего уже никогда не придет. Значит, нужно обдумать, что это означает для ее будущего. Кое-какие идеи уже появились, но приятного в них было мало. И что еще хуже, цели, которые, как ей казалось, уже почти достигнуты, снова откладываются на неопределенное время, возможно, навсегда.

Сердце заныло, но она взяла себя в руки. Горевать придется тайно, как и все эти годы.

Кэтрин села в кресло, повернутое к большому окну, в дальней гостиной, где они пили кофе. С аккуратно причесанными темными волосами, в накрахмаленном, несмотря на утренний уход за растениями, переднике, Кэтрин терпеливо ждала, готовая услышать любые новости из сегодняшних писем, которыми Дафна решит с ней поделиться.

Немного похожа на иностранку, уже не в первый раз подумала Дафна. Высокие скулы Кэтрин и миндалевидный разрез темных глаз были не типичны для английской внешности, но основное впечатление создавала тронутая летним загаром кожа. Даже самые широкие поля шляпки не могут надежно защитить лицо, если женщина каждый день проводит долгие часы в саду.

– Одрианна пишет, что они с лордом Себастьяном сегодня уезжают на побережье, убегают от городской духоты, – сообщила Дафна.

– Вероятно, это очень правильно в ее положении. Она останется там до родов? – спросила Кэтрин.

– Наверное, хотя она об этом ничего не пишет.

Дафна вскрыла и прочитала следующее письмо. Кэтрин отхлебнула кофе, не задав ни одного вопроса об отправителе, хотя была связана особыми узами с написавшим письмо дорогим другом.

Кэтрин строго придерживалась установленных в доме правил. Самое важное правило гласило: женщины, живущие здесь, никогда не суют свой нос в жизнь и личные дела друг друга, как прошлые, так и нынешние. Все те годы, что Дафна делила этот дом с такими же одинокими, как и она сама, женщинами, это правило служило своей цели, обеспечивая мир и согласие. Однако некоторые из живших здесь женщин тоже черпали утешение и испытывали чувство защищенности в праве скрывать свои тайны. Кэтрин была одной из них.

Все, жившие в этом доме, делятся на две группы, подумала Дафна, отвлекшись от письма. Они принадлежат либо к затравленным, либо к преследуемым, но несколько человек страдают от обеих бед, как Кэтрин.

Трудно не проявлять любопытства. Трудно не верить в то, что если кто-нибудь узнает твою правдивую историю, то непременно сумеет помочь. Впрочем, Дафна уже давно не ошибалась. В конце концов, она и сама была немного затравленная и немного преследуемая, причем изменить этого не мог никто.

– Верити в основном пишет о делах в своем доме в Олдбери, – произнесла она, протянув письмо Кэтрин. – Лорд Хоксуэлл отправился на север, чтобы уточнить, нанесут ли тамошние беспорядки ущерб ее фабрике.

Кэтрин, читая письмо, нахмурилась.

– Я рада, что она не поехала с графом. Газеты полны мрачных прогнозов и предупреждений о бесчинствах.

– Они часто преувеличивают. Ты же видишь, ее муж не думает, что опасность угрожает их собственности или людям.

– В августе все может измениться. Планируется та большая демонстрация.

– Планы не так уж и достоверны...

Однако в августе все и вправду может измениться. Обдумывая будущее, нужно принять во внимание и это.

Дафна взяла газету. Кроме новостей о беспорядках на севере, в «Таймс» печатались другие политические заметки, а также сообщения корреспондентов с континента. Одно из них привлекло ее внимание. Две недели назад на обеде, где присутствовали сливки парижского общества, чествовали нового герцога Бексбриджа. Обед давался, чтобы попрощаться перед его неминуемым отъездом в Лондон для вступления в права наследства.

Будет ли он теперь жить в Англии? Или же, хочется надеяться, поступит, как и другие пэры после окончания войны, и вернется на континент, поселившись во Франции?

– Кто это? – вдруг спросила Кэтрин.

Дафна подняла голову и увидела, что Кэтрин выпрямилась и смотрит в окно позади софы Дафны. Она обернулась.

– Я никого не вижу.

Кэтрин встала, подошла ближе и прищурилась, вглядываясь в цветочный ковер за окном.

– Какой-то мужчина только что прошел через сад, футов в пятидесяти от нашего окна. Сейчас он как раз подходит к беседке с розами.

Тут открылась дверь, и в гостиную вошла экономка, миссис Хилл, нахмутив свое птичье личико.

– Перед домом какая-то лошадь. Я не слышала, как она оказалась на лужайке, но теперь она стоит там, а всадника нет.

– Всадник в саду. – Дафна его так и не увидела. Она сняла передник. – Я выйду и попрошу его удалиться.

– Пистолет тебе нужен? – спросила Кэтрин.

– Я уверена, он просто ехал мимо и заинтересовался участком под названием «Редкие цветы». Скорее всего он пошел на лужайку, чтобы посмотреть, что это за цветы такие.

Кэтрин все так же напряженно вглядывалась в сад. «Она явно преследуемая», – снова подумала Дафна.

– Советую тебе перейти в оранжерею, Кэтрин. Если наш нарушитель поведет себя угрожающе, ты выйдешь и прицелишься в него из пистолета. Только постарайся не застрелить его без крайней необходимости.

Дафна вышла из дома, будто собиралась совершить обычный дневной обход участка, прошла мимо огорода и зашагала по тропинкам, проложенным между клумбами с летними цветами.

Оранжерея располагалась справа от посадок, а кирпичная стена с фруктовыми шпалерами ограничивала сад слева. Две калитки по обе стороны дома вели в сад. Должно быть, нарушитель прошел через одну из них.

Дафна повернула налево, к беседке у стены. Вьющиеся розы, дарующие защиту от солнца, еще не расцвели, но листья уже превратили ее в тенистое убежище. Приближаясь, она увидела сидевшего на скамейке мужчину.

Он тоже ее увидел и склонил голову набок, словно она его заморозила. Похоже, его ничуть не смущало нарушение границ частной собственности. Он просто сидел там, вальяжно раскинувшись, прислонившись к стенке беседки и вытянув одну ногу, так что солнце играло на его ботинке.

На превосходном ботинке, отметила Дафна, дорогом, искусно сшитом из великолепной кожи и начищенном до зеркального блеска.

Этот нарушитель – джентльмен.

Она остановилась футах в двадцати от беседки и стала дожидаться, когда он заговорит. Возможно, попросит извинения или скажет о своем интересе к саду. Но он просто молча рассматривал ее, словно картину, на которой под масляными красками непостижимым образом зашевелилась чья-то фигура.

Положение делалось неловким. Дафна оглянулась на оранжерею и вгляделась в маленькие окошки в поисках темноволосой головы. Разумеется, ничего страшного, но она испытала искреннее облегчение, заметив Кэтрин.

Решив, что с обладателем подобных ботинок любезностью можно достичь большего, чем обвинениями, Дафна улыбнулась:

– Добро пожаловать в «Редкие цветы», сэр. Вы тут, потому что вас восхитил наш сад? Испытываете ли вы особый интерес к садоводству?

– Я ровным счетом ничего не знаю о садоводстве, хотя этот сад достоин восхищения. – Он встал, как предписывал этикет, но из беседки не вышел, оставшись под ее тенистыми сводами.

Высокий. Выше, чем Дафна, а собственный немодный рост часто вынуждал ее смотреть на мужчин нос к носу или даже сверху вниз. Темноволосый, темноглазый и, насколько она в этом разбиралась, довольно привлекательный. Он молод, но не юнец, что-то около тридцати лет, решила Дафна.

– Возможно, вы хотите купить какие-то особенные цветы даме вашего сердца?

– И в голову не приходило.

Похоже, он не намерен сообщить, почему ему пришло в голову так бесцеремонно вторгнуться в их сад. По сути, он вел себя так, словно у Дафны нет никаких прав узнать об этом. Этот человек уже начинал ей не нравиться. Она находила его манеры чересчур самодовольными, а расслабленное поведение – снисходительным.

– Может быть, вам стоит об этом подумать? Леди считают, что цветы – это очень романтично, и любят получать их в подарок.

– Они просто притворяются, а на самом деле испытывают разочарование. Леди предпочитают цветам драгоценности, и не имеет значения, насколько эти цветы редкие. Осмелюсь заметить, что если выбирать между самой тоненькой серебряной цепочкой и самым экзотическим цветком, предпочтение будет оказано цепочке.

– Вы говорите с такой уверенностью, будто знаете мнение каждой женщины в мире.

– Мне хватает примеров, чтобы говорить уверенно.

Теперь Дафна уже не сомневалась, что он ей не нравится.

– Я очень люблю цветы, как вы и сами могли догадаться, увидев, сколько их тут. Значит, ваши знания о женщинах неполны.

Это его позабавило.

– Если предложить вам выбирать между редким цветком или бриллиантом хорошего качества, вы обязательно выберете бриллиант. Только дура поступит по-другому, а вы не производите впечатления дурочки.

– Если выбор будет между изысканной быстротечностью и изысканным постоянством, а бриллиант окажется чистой воды, я возьму драгоценность. Но если бриллиант будет второго сорта, я его не возьму. А теперь, раз уж вы не проявляете ни малейшего интереса к цветам, а всего лишь мимолетный интерес к саду, вероятно, вам пора продолжить свой путь туда, куда вы направлялись до того, как случайно завернули к нам на лужайку.

– Ничего случайного. Я ехал именно сюда, но прибыл раньше, чем собирался, и решил убить время, чтобы не появляться неприлично рано. – Он вытащил карманные часы. – Все еще слишком рано, но, возможно, вы сообщите миссис Джойс, что я уже здесь, если, конечно, думаете, что она примет меня сейчас.

– Миссис Джойс? Вы что, ее друг?

– У нас есть общие друзья, но, насколько мне известно, мы с ней никогда не встречались.

– Если вы не встречались, то вас никто ей не представлял. Сомневаюсь, что в сложившихся обстоятельствах она вас примет.

– О, она настолько строга?

– Ну, в общем, да.

– Проклятие... Вот зануда!

То, что он назвал ее занудой, вовсе не прибавило Дафне любви к нему.

– Возможно, вам следует вернуться сюда с рекомендательным письмом от тех самых общих друзей.

– Раз уж я здесь, мне бы хотелось увидеть ее сегодня.

В его голосе проскользнуло раздражение и повелительные нотки, словно его мнение должно было учитываться в первую очередь. Дафна решила, что миссис Джойс не обязана потакать его самомнению.

– Я знаю ее очень хорошо, и она не примет вас без рекомендаций. Как неудобно для вас, что миссис Джойс придерживается всех этих утомительных строгих правил.

– Неудобно для нас обоих. Это не светский визит. Я приехал по поводу имения герцога Бексбриджа.

Раздражение сменилось облегчением, и Дафна тотчас же более благосклонно посмотрела на визитера. Ничего удивительного, что у него нет рекомендательного письма. Она живет достаточно близко к Лондону, чтобы устроить личную встречу. И разумеется, этот человек интересуется владением, раз должен исполнить волю герцога.

– А-а... что ж, в таком случае можно убедить миссис Джойс принять вас.

– Это в ее интересах. Если мы должны придерживаться формальностей, я выйду через калитку, подойду к парадной двери и представлюсь. Если нет, возможно, вы просто войдете в дом и сообщите ей о том, что я в саду.

– Ни в том, ни в другом нет необходимости. – Дафна вымучила примирительную улыбку. – Так случилось, что миссис Джойс – это я.

Он осмотрел ее с головы до ног.

– В самом деле?

– Простите мой небольшой обман. Видите ли, вы могли оказаться кем угодно, к примеру, опасным нарушителем границ частного владения. Собственно, сейчас вас держат под прицелом пистолета, просто на всякий случай.

– Ах да, пистолет. Я слышал о пистолете от наших общих друзей. – Он перевел взгляд на дом, вероятно, выискивая в окне дуло пистолета. – Хорошо, что я не поддался первому порыву затащить вас в беседку и поцеловать.

Дафна вежливо посмеялась над этой неприличной шуткой. Судя по его неопределенной улыбке, она нашла в ней больше юмора, чем ожидалось.

– Вы душеприказчик? Адвокат? Ничего не услышав после похорон, я начала опасаться...

– Я не адвокат, и старик Бексбридж не осмелился бы назначить меня своим душеприказчиком. Боже упаси, не хватало, чтобы он навесил на меня еще и эту ношу!

Наконец-то он вышел из беседки на солнце. Безупречность его ботинок снова сделалась заметной, а также сюртука, других предметов туалета и искусной стрижки взъерошенных волос. Карие глаза с золотыми искорками, сверкавшими, как дьявольские огоньки, еще раз осмотрели Дафну с ног до головы. В каштановых волосах тоже мелькали золотые прядки.

Красивый мужчина, это уж точно, и еще более неотразимый благодаря элегантному стилю в одежде, одновременно дорогой и непринужденной. В осанке проглядывают сила и

гибкость. Да, очень впечатляющий вид, частично благодаря тому, что он не прикладывает к этому никаких усилий.

Дафна понятия не имела, о каких общих друзьях говорит визитер, но он казался ей смутно знакомым, словно она видела его раньше, пусть даже на расстоянии. Она порылась в памяти, пытаясь поймать мучившее ее воспоминание. И дело даже не в его лице – скорее, в манере держаться и в общей атмосфере надменности и утомленного равнодушия, которая, вероятно, ощущалась даже в дальнем конце сада.

– Я представления не имел, что миссис Джойс так молода, – произнес он, направляясь к ней по дорожке с видом любопытствующим и одновременно ошеломленным. – Я рисовал себе женщину более зрелого возраста с суровым лицом кальвинистки.

– Я достаточно зрелая и, когда необходимо, могу быть суровой.

– В этом я не сомневаюсь. – Он сверкнул улыбкой, очень знакомой, почти кокетливой. Он вел себя так, будто у них есть общая тайна, но Дафна понятия не имела, какая именно.

Медленно, неспешно, словно у него есть на это целый день, он обошел Дафну кругом, будто она была статуей, установленной среди цветов на всеобщее обозрение.

Ей хотелось бы притвориться, что она понятия не имеет, о чем он думает, обходя ее. К несчастью, это буквально висело в воздухе. Дафна не поворачивалась, чтобы смотреть на своего визитера, но это и не требовалось. Она ощущала каждый его шаг, каждое движение, а его взгляд словно прожигал ее сквозь одежду.

– Если вы не адвокат, занятый делами имения, как мне следует вас называть, сэр?

Тропинка привела его обратно, и он остановился прямо перед Дафной.

– Каслфорд.

Каслфорд? Святые небеса... герцог Каслфорд!!!

– Вам нездоровится, миссис Джойс? До сих пор вы проявляли удивительное самообладание, а сейчас мне кажется, что вы готовы лишиться чувств. Я не назвался раньше, но если мой промах так сильно вас расстроил, я погиб.

Его дьявольский взгляд опровергал то, что слетало с языка. Он был в восторге от того, что сумел ее взбудоражить. Дафна гордилась упомянутым им самообладанием и спокойным характером, позволявшим ей всегда сохранять хладнокровие. Эти три качества, как она давно поняла, позволяли ей не обнаруживать своих слабостей перед другими. Дафна сумела скрыть удивление.

– Я не расстроена и даже не взволнована, так что не беспокойтесь. Просто я в некотором замешательстве: какое отношение можете иметь к делам имения вы, ваша светлость?

– А-а... – Он почесал голову, изобразив смущение. – Видите ли, так сложилось, что я – новый владелец этой собственности. По неизвестным причинам Бексбридж оставил ее мне.

Какое-то время ее сознание отказывалось воспринимать сказанное. Потом слова все же дошли до Дафны, и тогда самообладание, хладнокровие и спокойный характер окончательно ее покинули. Впервые за многие годы – да что там, за всю ее жизнь! – ее охватила неистовая ярость.

Бексбридж оставил свои владения ему? Каслфорду? Человеку настолько богатому, что ему вообще ничего не требуется? Пьянице, печально знаменитому развратнику, никого и ничего в грош не ставящему?

«Бексбридж, ты несносный лживый негодяй!»

Глава 2

Миссис Джойс густо покраснела. Ее серые глаза, всего несколько минут назад холодные, как зимнее небо, запылали. Каслфорд подумал: очень удачно, что тот пистолет сейчас не у нее в руках.

К сожалению, этот огонь был направлен не на него. Интересно, а в постели она темпераментна?

Ошеломительная женщина, и у него мгновенно возникли эротические мысли. Высокая, элегантная, красивая бледной красотой, которую так редко встретишь, она казалась ему палитрой белого с легким оттенком других красок. Отсвет желтого в очень светлых волосах. Капелька, не больше, охры в коже цвета слоновой кости. Серое в этих умных глазах. Бледно-голубое платье завершало композицию. Каслфорд не раз видел фарфоровые фигурки, окрашенные именно таким образом.

Такую женщину нельзя не заметить, забыть или не возжелать. Однако, когда она появилась на садовой дорожке, он был уверен, что видел ее раньше, только не мог сообразить где. Возможно, просто однажды прошел мимо нее на улице Лондона.

Ну а сейчас, конечно, щеки ее заметно порозовели, а в глазах сверкали темные искры. Каслфорд обрадовался этим доказательствам того, что она не так холодна, как кажется. Ее обуревали страсти. Похоже, она не знала, что делать с охватившим ее гневом, поэтому он решил, что она не так часто позволяет себе какие-либо эмоции.

Каслфорд указал на беседку.

– Возможно, вам следует сесть, миссис Джойс, чтобы привыкнуть к этому открытию.

Она вошла в беседку, села с таким видом, словно ей в спину вставлен железный штырь, и красивыми пальцами обеих рук вцепилась в скамейку, глядя в землю. Каслфорд видел, что она изо всех сил пытается успокоиться, но пока у нее ничего не получалось. Он уже буквально слышал раскаты грома.

Сам он остался стоять у входа в беседку, там, где над головой трепетали листья. Ветер гнал с запада грозовые тучи, под стать ее настроению.

– Вы рассчитывали, что Бексбридж оставит эту землю вам? – спросил Каслфорд, когда напряжение слегка покинуло ее.

Она вскинула на него испепеляющий взгляд.

– Он это обещал?

Она поколебалась, снова уставилась в землю и едва заметно покачала головой.

Внезапно Каслфорд вспомнил, где он ее видел. Много лет назад, на приеме в саду в лондонском доме Бексбриджа. Это случилось еще до того, как он порвал все отношения с Латамом. Во время приема дочери Бексбриджа от второй жены вышли на террасу вместе со своей гувернанткой.

Он посмотрел в беседку и увидел словно воочию, как миссис Джойс смеется с этими девочками. Тогда она была не такой ледышкой, да и сама почти девочка.

Значит, она работала у Бексбриджа, а теперь живет в его владениях за ничтожную плату. Тот самый арендатор, в ком тот «искренне заинтересован», но кого не хотел упоминать в своем завещании и о ком не должны были знать остальные образцы совершенства, свешивающиеся с ветви его фамильного древа.

А она надеялась, что он завещает эту собственность ей. И если зрение его не обманывает, эти краски в ее лице вызваны не столько гневом, сколько замешательством.

Так-так... «Бексбридж, а ведь ты невыносимая лицемерная скотина».

– Если это облегчит ваше расстройство...

– Нет никакого расстройства, ваша светлость. Я просто удивлена.

– Возможно, я сумею смягчить ваше крайнее удивление, объяснив, что герцог четко выразил свою волю, написав, что вы можете остаться здесь на прежних условиях столько, сколько пожелаете.

Ну, хоть что-то. Конечно, не то, чего она ожидала, не то, на что намекал старый герцог, но по крайней мере новому Бексбриджу эти владения не достанутся.

Подсчет благословений, однако, помог мало. Она все еще боролась с почти неудержимым желанием кого-нибудь ударить. Например, Каслфорда. Он не просто принес ей печальное известие, он еще откровенно наслаждается ее крайним удивлением. Несмотря на его якобы заботу, он наблюдал за ней так, как толпа наблюдает за пожаром.

Дафна уже успокоилась настолько, чтобы его последние слова улеглись в голове.

– Вы сказали, герцог выразил желание, чтобы все оставалось как есть. Вы намерены исполнить его волю?

Каслфорд подумал над вопросом.

– Я еще не решил.

– Вам будет немного пользы от этого клочка земли, с вашими-то владениями.

– Ну, никогда не угадаешь.

Он ее что, дразнит? Он хочет довести ее до еще более крайнего удивления?

– Если вам жаль терять доходы, я могла бы платить более высокую ренту. Но при этом хочу заключить надлежащий договор аренды.

– Миссис Джойс, я не пытаюсь торговаться с вами, откладывая решение вопроса. Я ничего не решил лишь потому, что у меня имеется собственный способ принимать решения, и он меня никогда не подводит. Все эти скучные дела я приберегаю для одного дня недели, а сегодня не тот день.

– И вы хотите оставить меня в подвешенном состоянии только потому, что сегодня не вторник?

Каслфорд сделал несколько шагов к скамейке и сел рядом с ней, устроившись со всеми удобствами: опять прислонился к стенке беседки, вытянул ноги и скрестил на груди руки. Ей пришлось повернуться, чтобы видеть его лицо.

– Ага, значит, вам об этом известно? О вторниках?

– У нас в самом деле есть общие друзья, и мне кое-что рассказывали про Каслфорда.

– Как это опрометчиво с их стороны!

– Не думаю, что вас это волнует. Если бы волновало, вы бы давным-давно исправили свою репутацию.

– И стал таким же скучным, как наши исправившиеся общие друзья? Надеюсь, я раньше умру.

– Судя по тому, что я слышала, это может случиться в любой момент. Именно поэтому мне и хочется заключить договор об аренде, и не важно, за какую плату. Мне хотелось бы иметь долгосрочный договор.

– Я смотрю, вы уже чувствуете себя лучше. Надеюсь, когда вы окончательно придете в себя, то не будете осыпать меня упреками?

– Не мне упрекать вас, сэр. Ваше поведение и здоровье не входят в сферу моих интересов. Меня волнует мое будущее, а если учитывать, сколько вы пьете, деретесь и сражаетесь на дуэлях, оно может оказаться под угрозой.

– Вам рассказывали еще что-нибудь обо мне? Кроме спиртного, пьяных драк и дуэлей?

Ей рассказывали многое, а скандальные газетенки добавляли немало пикантных подробностей.

– Говорят, вы в восторге от своей закоренелости.

– Неплохо сказано и хорошо меня описывает. И в самом деле, разве вы когда-нибудь слышали, чтобы человек был в восторге от того, что является образцом добродетели? В добродетели мало радости и вообще никакого восторга – всего лишь унылая добропорядочность.

– Неужели ваша испорченность так разнообразна, что продолжает вызывать восторг? Мне кажется, со временем все становится скучным.

Он с интересом взглянул на нее.

– До чего вы проникательны. Действительно, приходится прилагать много усилий, чтобы испорченность не сделалась скучной. Постоянно находишься в поисках нового опыта и переживаний. Наши общие друзья могут считать, что у меня очень легкая жизнь, но с годами поддержание дурной репутации превращается в тяжелый труд.

Она невольно рассмеялась. Похоже, это ему понравилось.

– До чего получается восхитительный визит, миссис Джойс. Здоровый деревенский воздух, очаровательная женщина, охваченная изумлением, и приятная беседа. Знай я, чего ожидать, приехал бы сюда раньше. Надеюсь, посещения остальных владений будут такими же приятными.

– Остальных владений?

– Их всего четыре.

Она с трудом удержалась от порыва расспросить про остальные владения, но одно их существование ее уже по-настоящему обеспокоило. Очевидно, ее договор с Бексбриджем совсем не уникален. Впрочем, она это и раньше подозревала. К сожалению, вряд ли можно расспрашивать Каслфорда, он непременно сочтет ее любопытство странным.

– Но зачем вам утруждаться такими пустяками? Наверняка у вас есть слуги, которые могут выяснить все необходимое.

– Сомневаюсь. Я решил увидеть все своими глазами, потому что завещание меня заинтриговало. Бексбридж сильно не любил меня и еще сильнее не одобрял, поэтому я и решил выяснить, в чем тут дело. Зато теперь я знаю.

Обвинения в последней фразе не прозвучало, но Дафна поняла, к какому выводу он пришел. Ему кажется, что теперь он знает, почему Бексбридж позволил ей тут жить, и он уверен, что обнаружит то же самое и в остальных владениях.

Небо заметно потемнело. Над крышей оранжереи сверкнула молния, возвещающая приближение грозы.

– Я слишком надолго задержала вас, ваша светлость. Вы рискуете промокнуть, возвращаясь обратно в город. Возможно, вам стоит остановиться на ночь в гостинице в Камберуорте? Буду ждать письма с вашим решением после следующего вторника.

Он поднялся на ноги, вышел из беседки и посмотрел на небо и темные тучи. Несколько больших капель дождя шлепнулись на дорожку.

– Хоксуэлл говорит, что в гостинице в Камберуорте есть клопы. Я очень хорошо помню это его предостережение, хотя будь я проклят, если припоминаю, по какому поводу он мне это сообщил.

– В двух милях восточнее расположен город...

– Думаю, мне лучше остаться тут.

Дафна всмотрелась в его лицо, гадая, не отпустил ли он очередную странную и неприличную шутку, но он с любопытством рассматривал дом.

– В этом доме живут одни женщины, ваша светлость. Будет...

– ...весьма великодушно и милосердно с вашей стороны оказать мне гостеприимство. Я знаю, что раньше вы приглашали к себе гостей мужского пола. Наши общие друзья тоже мне кое-что рассказывали. Кроме того, нет ничего неприличного в том, чтобы человек переночевал в собственном владении.

Ну что ж, все сказано вполне определенно. И судя по его веселому тону, он не сомневается, что добьется своего и в этом, и во всем остальном.

– Если вы решили настаивать на своем праве владения, будет глупо отказать вам.

– А как я заметил с первого взгляда, миссис Джойс, вы совсем не дура.

– Надеюсь, что нет. Тем не менее, если мы окажем вам то гостеприимство, на которое вы рассчитываете, сэр, давайте сразу проясним один вопрос.

– Как вы сурово заговорили. Должно быть, это крайне важный вопрос.

Дафна изо всех сил постаралась, чтобы ее голос прозвучал по-настоящему сурово:

– В доме живет молодая женщина. Если вы в попытках разнообразить свою испорченность каким-то образом начнете ей докучать, если вы просто попытаетесь пофлиртовать с ней, я вас застрелю.

Дождь тем временем набирал силу. Одна капля упала ей на нос, словно природа стремилась размыть властность, которую Дафна пыталась продемонстрировать.

Каслфорд улыбнулся, чувствуя неуместную, с ее точки зрения, веселость, протянул руку и смахнул каплю с ее носа.

– Если я умру, вас повесят.

– Нет, не повесят. Мой адвокат соберет в зале суда всех тех женщин, которых вы уже соблазнили, и каждый отец в жюри присяжных проголосует за мое оправдание.

Он прижал руку к сердцу.

– Даю вам слово джентльмена, что отнесусь к этой молодой женщине так, словно она моя сестра.

Казалось, что он говорит искренне, несмотря на лукавые искры, пляшущие в глазах.

– Тогда добро пожаловать в дом, разделите наш скромный обед и воспользуйтесь одной из пустых комнат.

Дождь пошел всерьез. Дафна поспешила к садовой калитке, Каслфорд присоединился и вошел следом за ней в дом, с любопытством осматривая незнакомую обстановку.

Кэтрин вернулась из оранжереи, Дафна ее представила. Кэтрин присела в реверансе и быстро убежала.

– Сомневаюсь, что вы снова увидите мисс Джонсон, – сказала Дафна. – Возможно, я напрасно потребовала, чтобы вы дали мне слово.

– Совершенно напрасно. Мисс Джонсон меня не интересует. Дело в том, миссис Джойс, что если бы я и намеревался соблазнить кого-нибудь в этом доме, это были бы вы.

К восьми часам вечера Каслфорд решил, что если бы кто-нибудь приставил к его виску пистолет, то совершил бы акт милосердия.

Изысканная миссис Джойс избегала его весь вечер. Сначала ему пришлось лично ухаживать за своим конем, а он не занимался этим неприятным делом столько лет, что уже и сосчитать не мог. Закончив, он впал в отвратительное настроение и начал ворчать себе под нос, что лучше бы миссис Джойс стояла тех злоключений, какие вызваны его импульсивным и непоколебимым вожделением.

В конце концов его просто оставили одного в маленькой, чисто женской библиотеке. Женское присутствие пропитало дом насквозь, а легкие дамские шаги и негромкие голоса где-то там, вдалеке, совсем не помогали ему сосредоточиться на книжке, выбранной, чтобы убить время.

Наконец экономка, хмурая маленькая женщина по имени миссис Хилл, с темными глазами и крючковатым носом, торчавшим между кружевами чепца, проводила его в спальню, обставленную в женском стиле, декорированную желтым и голубым, где он умылся и приготовился к непринужденному обеду.

К его восторгу, Кэтрин так и не появилась, и обедали они вдвоем с хозяйкой. Каслфорд уселся, предвкушая оживленную беседу, во время которой он заставит миссис Джойс еще не раз покраснеть и доведет ее до очередного страстного взрыва. Такого, который продлится долго, уж он об этом позаботится.

Он вежливо поинтересовался садом и этим бизнесом под названием «Редкие цветы». Серьезная ошибка. Ему пришлось битых два часа выслушивать подробные объяснения, и он едва удерживался от зевка. Миссис Хилл подала простой обед – суп, холодную ветчину, а под конец бисквит, возможно, испеченный только ради него.

Миссис Джойс все это время оставалась ледяной колонной, исполненной зимним холоднокровием. С безупречными манерами и безмятежным лицом, она изящно занимала его беседой, но разговаривала медленно и монотонно, так, что у него начинали косить глаза. Каслфорд понимал, что оказался пленником того самого нудного, но приличного общения, которое ненавидел. Это было настолько невыносимо, что он даже перестал представлять себе, как эта женщина выглядит в голом виде.

Пожалуй, пора брать дело в собственные руки и переходить к более интересным вещам. Поскольку миссис Джойс серьезно заинтересовала его, он решил навязать ей свою тему для беседы.

– Мне говорили, что вы вдова, – произнес он, когда она наконец замолчала, закончив перечислять названия каждой чертовой разновидности вербены, росшей у нее в оранжерее.

– Мой муж, капитан, погиб на войне. – Она потупила взор, подавая знак, что этой темы следует избегать.

Может, и так, но если подчиняться таким намекам, никогда ничего не выяснишь.

– И долго вы были замужем?

– Меньше двух лет.

– Насколько я понимаю, основное время он провел на войне.

– Я поехала с ним, так что мы были вместе.

– И все равно – так несправедливо остаться вдовой, толком не имев времени насладиться радостями супружества.

Миссис Джойс посмотрела на него так учтиво, что можно было подумать, будто она не заметила чувственного намека, который слегка приоткрыл дверь. Нужно отдать ей должное – она молодец, держит свое самообладание, как щит. Надо заставить ее уронить его хотя бы на мгновение.

Каслфорд обвел взглядом комнату.

– Неужели никто из наших общих друзей ни разу не удивился тому, что простой армейский капитан оставил вам такую собственность? Надо полагать, они считают именно так, будто это досталось вам от мужа, верно?

– Думаю, они могут так считать. Но меня никогда не спрашивали.

В голове у него всплывали смутные воспоминания, связанные с миссис Джойс.

– Именно поэтому у вас тут существует такое странное правило – не совать нос в чье-либо прошлое? Чтобы никто не спросил, а вам не пришлось объяснять?

В ее глазах сверкнули те самые темные искры. Ей определенно не нравится эта тема. С другой стороны, она больше не утомляет его перечислением разных видов цветов, да еще, ни много ни мало, на латыни. Это не случайность, решил Каслфорд. Она сознательно пыталась заговорить его до бесчувствия. Должно быть, его слова о соблазнении ее насторожили. Он явно проявил беспечность.

– Леди Себастьян Саммерхейз, ваша кухня, какое-то время жила здесь, да? – слегка надавил он. – Видимо, вы не хотели, чтобы родственница заинтересовалась подробностями владения вами этой собственностью.

– Я установила это правило не для того, чтобы скрыть щедрость герцога от Одрианны или от кого-нибудь другого, а для того, чтобы защитить самих женщин. Некоторые из них нуждаются в секретности в отношении прошлого. Иногда у женщин имеется серьезная причина для того, чтобы полностью оставить прошлое позади. – Она проговорила это особенно выразительно, проясняя важный вопрос.

– Благодаря вам женский пол может гордиться отсутствием любопытства. Сомневаюсь, что я смог бы проявить подобную сдержанность.

– Я никогда не говорила, что не любопытна. Тем не менее это не повод совать нос, куда не просят.

– Если мне интересно, я обязательно суну нос. Это разгоняет скуку.

Каслфорд сделал глоток сладкого пунша, поданного к столу, и ощутил ягодный вкус. Вероятно, пунш приготовлен из плодов сада. Его доктор непременно одобрил бы такой напиток.

– Просто восхитительно. Но было бы еще вкуснее, если бы плеснуть туда немного бренди.

– Мы держим в доме совсем немного спиртного, исключительно с медицинскими целями.

Он привез с собой фляжку, но было бы чересчур грубо вытаскивать ее прямо сейчас, разве что она сама предложит ему воспользоваться своим бренди, если оно у него есть. Каслфорду показалось, что она получила определенное удовольствие, ничего подобного не предложив.

– Я же знала, что вам будет намного удобнее в гостинице, – сказала миссис Джойс с подчеркнутым удовлетворением. – Поэтому и предложила вам переночевать там.

– Это еще одно правило? Никто из вас не пьет, даже тайком? Даже шерри или вино?

– Вино позволяется, если оно у нас есть. Сейчас его нет.

– Какая жалость!

– Да. Мне очень, очень жаль...

Черта с два ей жаль! Миссис Джойс сознательно превращает этот день во вторник. Наказывает его так за то, что он ворвался в их обитель.

Обед завершился. Судя по ее виду, она собралась уйти, ужасно довольная тем, как провела его. Ну, у герцога есть свои привилегии. Он откинулся на спинку стула, давая понять, что пока еще не разрешает ей сбежать.

Окна столовой выходили на север. Хмурый вечерний свет, сочившийся сквозь них, льстил ей, окрашивая глаза в темно-серый цвет.

– Я вас узнал, – произнес Каслфорд. – Еще там, в саду, когда вы подошли, я чувствовал, что встречал вас раньше. Девять лет назад вы были гувернанткой у двух дочерей Бексбриджа. Я видел вас на приеме в саду.

Ее щеки цвета слоновой кости слегка порозовели. Не совсем крайнее удивление, но все равно удивление.

– У вас превосходная память для человека, про которого говорят, что он утопил мозги в вине, ваша светлость.

Она не забылась, просто под своей холодной внешностью слишком разозлилась и поэтому говорила напрямик. Каслфорд обрадовался – несмотря на ее решимость утомить его до смерти, мятежный дух все равно прорывается.

– Мои мозги прекрасно плавают, миссис Джойс. В особенности когда я обращаюсь к вопросам, подогревающим мое любопытство, как я уже говорил.

– И часто это случается? Я полагаю, чтобы плыть против течения, требуется приложить немало усилий.

– Общеизвестно, что не часто. Однако красивая женщина может разбудить мое любопытство, которое обычно дремлет. А вы исключительно красивая женщина.

Ее пальцы, лежавшие на ручке столового ножа, рассеянно потрогали серебряное лезвие. Кажется, она даже не заметила этого нервного движения.

Ему понравилось, что она не стала опровергать его замечание насчет ее красоты или делать вид, будто ей до сих пор неизвестно, как она красива, притом что ей это наверняка говорили тысячи раз. Он терпеть не мог в женщинах ложную скромность, с какой многие откликались на похвалу их ума, остроумия или внешности.

– Каким образом вы попали на тот прием в саду? Вряд ли семья радушно принимала человека с вашей репутацией? – спросила вдруг она.

– В те времена моя репутация была в зачаточном состоянии. Тогда я неплохо скрывал свои грехи. Кроме того, меня пригласили как друга Латама, ну и как родственника, конечно.

Ее пальцы стиснули серебро.

– Вы друг Латама? Учитывая его эссе и вашу испорченность, подобная дружба должна вызывать у вас дискомфорт. Святые и грешники редко ладят друг с другом.

Латам, теперь новый герцог Бексбридж, не святой и никогда им не был, зато умел ловко хитрить и скрытничать, вместо того чтобы честно признаться в своем гедонизме.

– Мы с ним уже давно не дружим.

– Я рада слышать! – вырвалось у нее со вздохом. Вероятно, это была ее первая необдуманная фраза за весь вечер.

– Рады за него? Боитесь, я его совращу?

Она поколебалась, снова тщательно обдумывая, что сказать.

– Мне он помнится человеком капризным и не заслуживающим доверия. Впрочем, он меня мало волнует, но мне бы не хотелось, чтобы он сумел повлиять на ваши вторники.

А вот это очень даже интересно. Почти все обожают Латама. Викарии цитируют его чертовы эссе со своих кафедр. В газетах – что сильно раздражает – только и пишут о том, как он вот-вот займет место отца и возвестит о своем возвращении в Англию в качестве спасителя мира. Редко можно услышать о нем дурное слово.

Но похоже, миссис Джойс не разделяет всеобщего восхищения. Совсем напротив, если судить по тому, как помрачнело ее лицо. Возможно, ей известны самые ужасные грехи Латама? Раз она жила в том доме, то могла слышать, что говорят о наследнике хозяина слуги.

В голове всплыло безобразное воспоминание, когда на его глазах Латам зашел слишком далеко и перешагнул черту, которую не смеет перешагивать ни один человек. С воспоминанием вновь зашевелилось омерзение и к самому себе, и к Латаму.

Каслфорд с неприязнью уставился в бокал с пуншем, пытаясь подавить не только эти мысли, но и свою на них реакцию. Он много лет не думал о том давнем дне, да и сегодня не вспомнил бы о нем, если бы эта женщина не устроила ему вторник.

– Похоже, мы относимся к нему примерно одинаково, миссис Джойс. Клянусь, он не в силах повлиять на меня, а я на него, если, конечно, не пустить в ход пистолеты. – Каслфорд перегнулся через стол и наклонился к ней. – А теперь о вопросах, возникших у меня здесь...

– Здесь нет никаких вопросов, поэтому можете перестать напрягать мозг, – прервала его она.

– Вопросов много. Одно это мое наследство достаточно странно. То, что я увидел тут вас, привлекло мое внимание. В последнее время меня мало что интригует, но если что-то озадачивает, я просто вынужден искать объяснения.

– Вы уже знаете, почему я тут живу и как. Для полного прояснения ситуации осталось сказать вот что: мой отец был джентльменом и другом Бексбриджа. Когда он умер, а мои родственники отказались предоставить мне кров и поддержку, герцог великодушно принял меня на службу гувернанткой. Поскольку он знал моего отца, то и относился ко мне лучше,

чем могла ожидать женщина в моем положении. Я прожила у него в доме чуть меньше года, а потом ушла.

– Чтобы выйти замуж за капитана Джойса?

Она слегка наклонила голову, обозначая кивок.

– Когда я снова оказалась предоставлена самой себе, герцог любезно позволил мне поселиться в этом владении. В своем великодушии он опять постарался помочь, сделав так, чтобы я не превратилась в нищенку.

– Однако вы ожидали, что получите право на владение этой землей.

– Всего лишь глупая надежда, не более того. У меня нет никаких прав ни на землю, ни на что другое.

Неплохое объяснение. Возможно даже, правдивое. Однако оно не заставит его отступить от своего плана. Она вдова. Ей около тридцати. И уж наверняка она не наивная. Он вполне может ее соблазнить, если захочет. А он хочет.

При этом Каслфорд никак не мог отделаться от подозрения, что вся эта история просто кричит о моральных обязательствах герцога, заставлявших его заботиться об этой женщине, причем по причинам менее благородным, чем дружба с ее отцом. Он по-прежнему считал, что, живя в доме Бексбриджа, она была его любовницей. Хотя, возможно, ему просто хочется так думать о покойном самодовольном осле.

Ну, скоро он все узнает точно. Достаточно посетить остальные клочки земли и посмотреть, стали ли они приютом для других женщин вроде миссис Джойс.

А пока...

Каслфорд встал.

– Благодарю вас за гостеприимство и за удовольствие пообедать в вашем обществе, миссис Джойс. Я вижу, дождь кончился, так что я, пожалуй, проеду по всей территории и посмотрю, как все тут устроено, пока светло. Может быть, когда я вернусь, вы будете столь любезны, что покажете мне ваши самые редкие цветы.

Взгляд серых глаз прямой, понимающий. Она раскусила его игру, но это вовсе не значит, что он проиграл этот матч.

– Мы рано ложимся спать, ваша светлость.

– Я отлучусь ненадолго.

– Может быть, утром...

– Я собираюсь уехать отсюда очень рано. Вечер подойдет мне гораздо больше.

– Будет слишком темно, вы ничего не увидите.

– Мы возьмем с собой фонарь.

Ее лоб прорезала раздраженная морщинка.

– Теперь я вижу, что вы привыкли всегда добиваться своего.

– Возможность добиваться своего – это самое лучшее в положении герцога.

– В таком случае будет глупо вам отказать.

Каслфорд поклонился, собираясь уйти.

– Вы можете отказать мне в чем угодно, миссис Джойс. Я не буду держать на вас зла.

Глава 3

У него красивые руки. Это Дафна заметила еще за обедом. Истинно мужские, но при этом очень элегантные, эти руки привлекли ее внимание. Она видела руки у многих джентльменов, но ни одни не были настолько безупречны. Да еще и более гладкие, чем ее собственные, заметила она мгновенно. Все перчатки и кремы в мире не могут привести в порядок женские руки, если женщина привыкла к тяпке и лопате.

Наверное, следовало предложить ему бренди или вина. Наверное, она допустила промах, не сделав этого. Вот в чем сложность с мужчиной, пропитавшимся алкоголем так, как Каслфорд, – как подействует спиртное, приглушит его чувства или подтолкнет его к опрометчивым поступкам?

Дафна этого не знала. Она верила тем историям про пьянство и распутство Каслфорда, что рассказывали их общие друзья. Ей казалось, что две эти вещи взаимосвязаны, и она вовсе не хотела добавлять масла в огонь. Но если они в самом деле взаимосвязаны, возможно, выпив, он отправился бы к женщинам легкого поведения и оставил в покое ее.

Каслфорд ушел, а Дафна заметалась по библиотеке. Она может просто пойти спать, и тогда к его возвращению ее здесь не будет. Он сказал, что она может отказать ему в чем угодно, да только вряд ли он имел в виду обход сада. Дафна подозревала, что имелось в виду совсем другое – то, что он попытается сделать, когда они вдвоем выйдут в сад.

Мерзавец собрался соблазнить ее после неполного дня знакомства! Этот самовлюбленный человек считает, что она подчинится любому его требованию, согласится с любым его капризом, отдастся пьянице, практически незнакомцу, имеющему самую нелестную репутацию. Удивительная самоуверенность!

Или он рассчитывает, что она не поверит его словам о том, что можно отказаться? И уже предвкушает ее уступчивость ради этого клочка земли? Ну, тогда это просто злодейство. И он вселил в нее уверенность, ведь так? И все же она сильно тревожилась – вдруг он оскорбится и в следующий вторник все обернется для нее плохо?

Внезапно Дафна поняла, что выбора у нее нет. Придется поймать его на слове. А если он выставит их из дома, потому что она отвергнет его приставания, она уж позаботится о том, чтобы рассказать всю правду тем самым общим друзьям.

Пожалуй, это самая надежная защита. Хочется надеяться, что Каслфорд дорожит своей давней дружбой с графом Хоксуэллом, мужем Верити, и лордом Себастьяном Саммерхейзом, женившимся на ее кузине Одрианне.

Дафна услышала за окном конский топот и застыла на месте. Желудок кувыркнулся. По крайней мере в саду будет темно, и она не увидит его глаз с золотистыми искорками, не будет очарована этим привлекательным сочетанием внешней безмятежности, беззаботного равнодушия ко всему на свете и внутренним напряжением, намекавшим совсем на обратное.

Он опасно красив, а это всегда дает мужчине несправедливое преимущество. Но она давно уже не девочка, которой легко вскружить голову чарующей лестью лихого красавчика.

Тут ей пришло в голову, что свет – это отличный помощник. Если в саду будет не совсем темно, он поведет себя не так дерзко. А если тщательно выбирать дорожки, то фонарь будет все время видно из дома.

Дафна торопливо перешла в гостиную и засуетилась над фонарем, пока Каслфорд разбирается со своим конем. Наверное, ему не нравится делать это самому, но у них нет ни грума, ни слуг мужского пола. В конце концов она сама ухаживает за лошадкой, которую впрягает в двуколку.

Дафна услышала приближающиеся к ней шаги – размеренные, решительные, уверенные. В этот дом так редко заходили мужчины, что, казалось, от шагов он дрожит, впрочем, как и она сама.

Она села и сделала вид, что читает при свете фонаря. Она нервничала, чувствовала себя неуверенно и боялась сильнее, чем готова была признать. Дафну смущало непривычное возбуждение, заставлявшее ее трепетать, вызывавшее ощущения, которые нельзя назвать неприятными. Она долгие годы – целую вечность! – не испытывала ничего подобного.

Может быть, он просто забудет про прогулку по саду и даст ей спокойно почитать книгу. И тогда она...

– Полагаю, вскоре этот фонарь нам потребуется, но пока довольно светло, еще только сумерки, миссис Джойс.

Дафна умудрилась нацепить на себя маску равнодушия. Каслфорд заполнял собой весь дверной проем. Свет фонаря туда почти не попадал, но все равно зрелище заставило ее пульс участиться.

Тени только подчеркивали его фигуру. Даже улыбка казалась жесткой, но особенно его выдавал взгляд. Насмешливый блеск в глазах указывал на значительно больший интерес к этой прогулке, чем Дафне хотелось бы видеть.

Святые небеса! Ей это не по зубам. Этот мужчина – записной повеса, а она... ну, прямо скажем, она совсем не искусна в таких вещах.

Дафна встала. Накинула на плечи вязаную шаль. Неизвестно, в какую игру он собрался играть, но ничего не произойдет, если она не позволит, а она ни под каким видом не собиралась ничего позволять.

– Впечатляет, – сказал Каслфорд, осмотрев растения в оранжерее. – Сразу видно, что это не декоративное приложение к дому, а серьезное дело.

Дафна не услышала в его голосе насмешки и раздулась от гордости.

Ну какая она дура, что так беспокоилась! Пока они гуляли по дорожкам сада, он вел себя безупречно, как джентльмен. Он даже держал фонарь так, чтобы его было видно из задних окон дома. Оказывается, он в самом деле хотел увидеть, как именно она использует это владение и поддерживает домашнее хозяйство с помощью «Редких цветов».

Теперь фонарь стоял на камнях перед камином, обогревавшим оранжерею в холодные ночи. Каслфорд потыкал пальцем в несколько цветочных горшков и выразил восхищение самым большим апельсиновым деревом. Сквозь открытые стеклянные панели в стенах и крыше задувал легкий сладкий ветерок.

– Здесь очень сильные ароматы. Немного одурманивает, – произнес Каслфорд.

– Привыкаешь. – Дафна показала на большое количество растений в углу. – Эти заберут в город через два дня. Повозками доставят другу, а уж он развезет тем, кто их заказывал. Много цветов из сада на срез тоже увезут. А посмотрите сюда – мы экспериментируем со сливовыми деревьями и вот этой вишней. Если они приживутся, мы построим еще одну оранжерею специально для плодовых деревьев. Очень современную, с трубами под полом, чтобы отапливать ее равномерно паром.

– А леди Хоксуэлл начинала свои садоводческие эксперименты, когда жила здесь, или же это вы у нее учились?

Он говорил о Верити, жене графа Хоксуэлла, прожившей в этом доме два года. Дафна не предполагала, что Каслфорд даст себе труд запомнить историю женщин, вышедших замуж за его друзей.

– Она начинала здесь. Мы все помогаем с растениями, но Верити испытывала к ним искреннюю страсть.

– А когда вы начали испытывать к ним страсть?

– Это не одно и то же. Мне нравится это занятие, но для меня оно – средство достижения цели, а не удовольствие, как для нее. Меня научила одна из первых женщин, живших со мной в доме.

Каслфорд примостился бедром на рабочем столе и посмотрел на Дафну. Внезапно ей показалось, что фонарь находится очень далеко. Каслфорда окутывал лунный свет, а не освещала далекая свеча в фонаре.

– Вы говорите так, будто этой учительницы давно здесь нет. Это не леди Хоксуэлл и не леди Себастьян. Полагаю, миссис Олбрайтон тоже когда-то жила здесь?

– Я удивлена. Вы запомнили такие мелкие подробности о людях, не имеющих никакого отношения к вашей жизни?

– Я запоминаю все, что захочу. – Он склонил голову набок и посмотрел на Дафну. – И сколько женщин пришли и ушли, пока вы тут живете?

Вопрос вызвал тоску и разворошил прятавшийся глубоко в душе постоянный страх, что однажды наступит день, когда временные сестры перестанут искать прибежища в ее доме и она останется одна.

– Должно быть, иногда вы им завидуете, – сказал Каслфорд. – Завидуете их возвращению в мир и их семьям, которые они строят.

Его слова пронзили ей сердце. Дафна не могла отрицать его правоту, и во второй раз за этот день она резко вспыхнула.

Как он смеет быть таким грубым?! Уж лучше бы продолжал соблазнять, чем задавать свои назойливые вопросы...

– Я за них счастлива! – В голосе явно прозвучало раздражение. – Они остаются моими подругами и близки моему сердцу, как сестры.

– Я не говорил, что вы за них не радуетесь. Я всего лишь заметил, что...

– Я слышала, что вы сказали, и догадываюсь, на что намекали. Я вовсе не печальная дамочка, изнывающая от тоски и мечтающая о приемах и утренних визитах, лорд Каслфорд. Что касается супружества, то я достаточно зрелый человек и понимаю: на свете слишком мало мужчин, достойных моих усилий, поэтому я испытываю искреннее облегчение, зная, что подобное будущее для меня исключено.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, и Дафна вновь заметила лукавые искорки, возникшие в его темных глазах.

– Боюсь, я опять вас расстроил.

– Вовсе нет.

– Вы снова покраснели.

– Вздор. Свет очень тусклый, вы просто не можете видеть цвета моего лица.

– Зато могу его слышать и чувствовать. – Внезапно он оттолкнулся от стола, оказался прямо перед ней и, к ее потрясению, положил ладонь ей на щеку.

Он поразил ее, просто ошеломил не только своей дерзостью, но и ощущением, вызванным его ладонью на ее щеке. Кожа на его руке была такой же безупречной, как выглядела, словно теплый бархат.

Он придвинулся ближе, и его лицо нависло над ней.

– Возможно, это не расстройство, а опять крайнее удивление. Но в таком состоянии вы просто ослепительны. Сильные эмоции вам идут.

Они ей не шли. Они ее смущали. Они ее ослабляли. Из-за них она стояла и беспардонно гладела на красивого мужчину, позволяющего себе непростительные вольности, вместо того чтобы сохранять хладнокровие и поставить его на место. Дафна пыталась ухватиться за свое самообладание, но оно от нее ускользало. Он сознательно гипнотизирует ее, поглощает ее.

В голове забушевали яростные протесты и оскорбления, но голос отказывался повиноваться. «Вы не джентльмен, сэр!.. Я не одна из ваших непристойных голубок!.. Уберите

руку, вы, негодяй!» Стоя так близко к нему, Дафна ощущала жар, исходивший от его тела. Его ладонь на ее щеке вызывала в Дафне невероятно постыдный отклик – трепет, покалывание, восхитительное, коварное возбуждение. «Вы чересчур дерзки!.. Как вы смеее вести себя так развязно?.. Подобное оскорбление неслыханно!» Этот человек – настоящий дьявол, она должна взять себя в руки и...

– Сколько времени прошло, миссис Джойс, с тех пор, как вас куда-нибудь поцеловал мужчина, хотя бы в губы?

«Куда-нибудь?»

Его дыхание овеивало ее губы, голова кружилась, кровь быстрее бежала по жилам.

– Думаю, уже много лет. Слишком греховное и бесполезное занятие.

Его присутствие окутывало ее, а потом ее обвили его руки.

Поцелуй, осторожный, но уверенный. Дафна подавила порыв закрыть глаза и уплыть на волне удовольствия, но искушение было сильнее, чем она могла предположить. Несмотря на потрясение, Дафна пыталась удержать сказочную волну наслаждения, грозившую захлестнуть ее и утопить всякое представление о самой себе.

О, это так сладко, так трогательно, что ей хотелось заплакать. Тепло заливало ее сердце. Та ее часть, от которой она давно отказалась, которую давно похоронила и которую игнорировала, рвалась освободиться и запеть. В этом объятии она снова стала девушкой.

«Ты для него всего лишь игрушка. Уж кому, как не тебе, это знать?..» Это наконец-то прорезался внутренний голос. Дафна видела все происходящее, словно смотрела через стеклянные панели оранжереи.

Она ответила на его поцелуй, и он превратился в два поцелуя, потом в несколько, и каждый из них был настойчивым и жарким. Она сделалась в его объятиях податливой и уступчивой, и он прижимал ее к себе все крепче. Его руки двигались, искушая ее постыдными ласками, гладили ее спину, бока и, о святые небеса, бедра!

Она слышала собственные вздохи, ахала, когда эти мучительные ощущения пронизывали ее насквозь, становясь все сильнее. Она отметила, что ласкающие руки передвинулись выше, теперь приближаясь к груди, и соски заныли, ожидая прикосновения, которое лишит ее остатков воли.

Она видела собственное грехопадение, стремительное, как у одинокой тоскующей вдовы, за которую он ее принимает.

«Ты должна прекратить это немедленно, иначе потом он не обратит на твои попытки внимания!» – пронзительно прокричал голос у нее в голове. Реальность нежелательно напомнила о губительной уязвимости женщин, оставшихся один на один с миром.

Трудно было остановиться, труднее, чем она предполагала, хотя она едва знакома с ним и ей вовсе не требуется объяснять, какова цена подобной страсти. Он, конечно, понял это сразу же, едва она позволила первую вольность.

И все же Дафна собралась с силами и заставила тело, а потом и губы оцепенеть. Он заметил это сразу и прекратил поцелуй. Она знала, что далеко не все мужчины поступили бы так в подобных обстоятельствах. Каслфорд пылливо посмотрел ей в глаза, но она не пожелала ответить на его взгляд. И тогда он опустил руки и шагнул назад.

В наступившей напряженной тишине Дафна с трудом собрала остатки самообладания. Она не могла винить его за оскорбление. Если вспомнить, как повела себя она сама, это было бы смешно. Но зато она твердо решила, что не побежит от него прочь, как испуганная мышка.

Повернувшись, Дафна беззаботно показала на дальнюю стену оранжереи.

– Позвольте показать вам, какую виноградную лозу мы тут вырастили, лорд Каслфорд. Она всегда поражает наших посетителей. Мы очень ею гордимся.

Она говорила, не замолкая, все время, пока они шли по проходу, соединявшему оранжерею с дальней гостиной, рассказывала про виноград и предлагала восхититься огромным горшком с камелией. Он шел молча – высокая темная фигура, излучавшая чувственную опасность.

Дафна надеялась, что он элегантно распрощается с ней и они сделают вид, что никаких поцелуев не было, но ошиблась. Каслфорд устремил на нее взгляд, полностью лишенный светской утонченности, взгляд мужчины, обдумывающего открывшиеся перед ним возможности и то, насколько сильна ее воля.

Да помогут ей небеса! Просто заглянув ей в глаза, он снова сумел возродить те самые ощущения.

– Думаю, мне придется посвятить весь следующий год тому, чтобы вновь вогнать вас в краску, миссис Джойс.

До чего возмутительная угроза! Раздосадованная Дафна присела в реверансе и повернулась, собираясь удалиться.

– Поскольку пьяницами я не интересуюсь, полагаю, моего самообладания хватит на целый год вторников, ваша светлость!..

Черт бы ее побрал!

Каслфорд сделал еще несколько глотков бренди из собственной фляжки. Оно согревало кровь, но не помогало улучшить настроение.

Он снова витиевато выругался, теперь вслух. Если Дафна Джойс его слышит, ему плевать. Впрочем, подумал он, и ей, вероятно, тоже.

Он проклинал Бексбриджа, его дурацкое завещание, письмо, а еще и трусость, из-за которой тот не пожелал сам улаживать дела своих бывших любовниц, а взвалил их на постороннего человека. «Я полагаюсь на то небольшое хорошее, что еще осталось в вас». Да ничего в нем не осталось, будь оно все проклято! Бексбридж сам не раз на это указывал.

Может, это всего лишь последняя шутка старика, может, он хихикал, когда писал то чертовое письмо. Самодовольный осел – нет, самодовольный лицемер – швырнул своего ненавистного родственника под ноги миссис Джойс, а миссис Джойс пусть объяснит ему, за что.

Каслфорд сделал еще глоток и окинул взглядом комнату. Такое впечатление, что цветы стоят на каждой свободной поверхности. Чертовы желтые и чертовы голубые цвета составляют бесконечный узор, повторяющийся в занавесях на кровати, шторах, подушках – во всем этом чертовом месте! Он сегодня увидел столько цветов, что ими можно устлать целое королевство. Наверное, теперь он никогда не сможет взглянуть ни на один цветок, не вспомнив этой ночи.

И ведь она уже уступила. Он точно это знал. Она стала такая покорная, сплошные вздохи, и мягкость, и чувственность, а он только не мог решить, отвести ее в постель или взять прямо там. И вдруг внезапно ничего. Совсем ничего! Где, черт ее побери, она нашла столько самообладания, чтобы превратиться в камень?

Женщины никогда с ним так не поступали. Никогда! Он знает женщин и знает, на что можно с ними рассчитывать, будь оно все проклято, и это ненормально. А потом она даже не запнулась, даже не покраснела, просто повернулась, как будто не была готова минуту назад сорвать с себя всю одежду, и совершенно хладнокровно начала рассказывать про какой-то чертов виноград. А он страдал от последствий своего возбуждения, которое она сначала поощряла, а потом так бессовестно оборвала.

Он еще раз поднес фляжку ко рту, но передумал. Если он напьется, то пылая от неутоленного желания к Дафне Джойс. Ему в жизни не встречалась женщина, сначала уступившая, а потом пошедшая на попятный, но он не собирается устраивать из-за этого сцену.

Чувство собственного достоинства требовало, чтобы он сам отступил и приготовился к сражению на следующий день.

Каслфорд встал, сорвал с себя одежду, сдернул с кровати чертово цветочное покрывало, умылся и рухнул в постель. Он заставлял себя думать о чем-нибудь другом вместо приводившей в бешенство, желанной женщины, спавшей сейчас где-то в этом доме, хотя она должна была лежать голой рядом с ним.

Во всем этом есть только одно утешение: за исключением тех двух смертельно занудливых часов за обедом, больше он сегодня не скучал.

Глава 4

Приятно беззаботный и в самый раз навеселе, Каслфорд выпрыгнул из своего экипажа и вошел в клуб «Брукс». Он обвел взглядом библиотеку, и глаза его засветились, остановившись на глубоком кресле, где над открытой газетой склонилась темноволосая голова. Каслфорд решительно подошел к креслу.

– Ты становишься предсказуемым, Хоксуэлл, – произнес он. – Человек режима. Еще года не прошло, как ты завел домашний очаг, и посмотрите-ка – днем обитаешь в клубах, но не получаешь ни малейшего удовольствия от предлагаемых в них развлечений.

Газета опустилась. Пронзительные голубые глаза сверкнули раздражением, послышался снисходительный вздох.

– Каслфорд? Как приятно видеть тебя в такую рань! Еще и четырех нет... Неужели вчерашняя ночная птичка потеряла к тебе всякий интерес еще до зари?

Каслфорд подтянул к себе обитый мягкой тканью стул и сел. Хоксуэлл вскинул бровь, давая понять, что не приглашал компанию.

Каслфорд не обратил на это внимания. С его точки зрения, Хоксуэлл был старым другом, а друзья имеют друг перед другом обязательства. Сам он считал своим долгом убедиться, что Хоксуэлл не последовал своей природной склонности и не допустил, чтобы воздержание и любовь лишили его всяких удовольствий в жизни. Впрочем, это постепенно становилось чертовски утомительной задачей.

– Мои женщины никогда не теряют интереса до зари, Хоксуэлл. Даже если платишь за удовольствие, джентльмен просто обязан сделать так, чтобы его партнерша в постели не скучала. Леди Хоксуэлл будет тебе весьма благодарна, если ты не забудешь, что наш долг перед порядочными женщинами еще выше, чем перед дурными.

Хоксуэлл раздраженно хлопнул газетой по колену. Он искренне обожал свою женушку, причем не только за крупное приданое. Будучи человеком старомодным, из рыцарей, он не терпел о ней никаких замечаний, если в них проскальзывали неподобающие нотки.

– Раз уж ты появился тут, причем, насколько я понимаю, довольно трезвым, для этого должна быть какая-то причина, – произнес он. – Наши встречи редко бывают случайными.

– Причина быть должна, но я как раз решаю какая.

Газета снова взлетела в воздух.

– Надумаешь – сообщи.

– Видишь ли, я бы предпочел выяснить то, что мне нужно, и спросить совета у Саммерхейза, но он уехал на побережье. Поэтому остался только ты, хотя мне кажется, что ты начинаешь меня утомлять.

– Совета? Великий всемогущий Каслфорд, человек, уверенный, что его суждения превосходят все остальное, кто выныривает из скуки только для того, чтобы сунуть нос в чужие дела, как Зевс в отпуске, и вдруг ищет чьего-то совета? Какое счастье, что Саммерхейз недоступен и мне окажут такую честь. Я весь внимание.

– Совет мне требуется только от Саммерхейза. А от тебя – исключительно ответ на вопрос.

– Спрашивай.

Сначала Каслфорд заказал вина, причем позаботился о том, чтобы выбрать любимый сорт Хоксуэлла, понадеявшись, что хороший кларет развяжет Хоксуэллу язык и приглушит его взрывной нрав.

Когда напиток принесли и налили в бокалы, он наклонился к соседнему креслу, чтобы их никто не услышал.

– Я все-таки с ней встретился, несмотря на все твои попытки лишить меня этого удовольствия.

Хоксуэлл нахмурился, придя в замешательство, как с ним часто случалось. Этот человек иногда не понимает простых вещей! Поскольку такое случалось только при разговорах с Каслфордом, это и вовсе было лишено смысла, но так уж оно было.

– Встретился с ней? С кем?

– Разумеется, с Дафной Джойс. Теперь-то я понимаю все, что ты мне говорил. Что если я сделаю в том доме что-нибудь предосудительное, это ужасно расстроит твою жену, что мне не позволят туда войти, и прочее, и прочее.

– Я говорил совершенно серьезно. Надеюсь, ты вел себя прилично?

Каслфорд на вопрос не ответил.

– Она совсем не такая, как я думал, и вовсе не стареющая мегера, как это следовало из твоих слов.

– Никто никогда не говорил, что она мегера или старая. – Хоксуэлл пожал плечами. – Грозная – да. Волевая – да. Но она не мегера.

– А еще никто не говорил, что она ошеломительно красива.

– Для этого не было никаких причин. – Хоксуэлл с невинным видом сделал глоток вина.

Да, причин не было, но вряд ли он промолчал случайно.

– Поразительно, что ты ее так оберегаешь после той роли, какую она сыграла в жизни твоей жены. Будь я на твоем месте, я бы вовсе не сумел с ней примириться, а тем более – прилагать такие усилия, чтобы сохранить ее тайну от людей вроде меня.

– Никаких усилий я не прилагаю. Не каждое произнесенное слово и не каждая мысль крутится вокруг тебя, Каслфорд. Я понимаю, что это шокирующее признание, но тебя будет легче переносить, если ты поймешь эту истину. Что касается миссис Джойс, то признаюсь, что в нашу первую встречу она меня сильно раздражала, в особенности после того, как пригрозила застрелить. Наверняка ты тоже счел ее несколько раздражающей.

Слово «раздражение» не совсем подходило к его реакции в тот вечер, но Каслфорд лишь улыбнулся. Пусть Хоксуэлл понимает это как хочет.

– А если уж быть совсем честным, поначалу эта женщина показалась мне довольно подозрительной, – добавил Хоксуэлл, отложив газету и оживляясь от вина и темы разговора. – В ней есть какая-то неопределенность. К примеру, слишком уж хорошие владения для вдовы армейского капитана. Я как-то упомянул это в разговоре с Верити, но это привело только к тому, что мы поссорились.

– И никаких объяснений?

– У них есть это странное правило, в результате которого они ничего толком не знают о прошлом друг друга. Возможно, у миссис Джойс тут есть своя корысть, о чем я и сказал Верити, но это привело к еще одной ссоре. Все они очень защищают друг друга.

– И ты, как добропорядочный, хорошо вымуштрованный муж, перестал говорить о своих подозрениях, и ссоры прекратились.

– Я просто перестал об этом думать, меня отвлекло домашнее блаженство. То, чего ты никогда не поймешь и не познаешь.

– И это блаженство заставило тебя относиться к миссис Джойс более приязненно?

– Возможно. То, что теперь она нравится мне гораздо больше – это правда. И я благодарен ей за дружескую руку, протянутую Верити, когда... в общем, когда моя жена нуждалась в друге.

Ну наконец-то они добрались до главного.

– Она нравится тебе как очаровательная знакомая или как сестра твоей жены?

Хоксуэлл нахмурился.

– Чертовски странный вопрос. Это ты к чему?

Каслфорд сменил позу, уперся локтями в колени и наклонился ближе к креслу друга.
– Дело вот в чем. Я намерен соблазнить миссис Джойс.

Хоксуэлл резко выпрямился.

– Правда?

– Более чем. Наверняка... безусловно намерен.

Хоксуэлл боролся с изумлением, пытаясь переварить услышанное.

– Я не особенно удивился, просто растерялся, услышав твое заявление. Она прелестная женщина. Но...

– До чего никчемное слово «прелестная». Дафна Джойс – изысканна.

– Может, она и изысканна, но я нахожу ее слегка... холодной. – Хоксуэлл пожал плечами.

– Может быть, она не в твоём вкусе. Я столкнулся с другой стороной ее натуры, весьма далекой от холодности.

– В самом деле? – Теперь Хоксуэлл сам наклонился к нему, превратившись в слух.

– В общем, я намерен ее получить. Однако сначала мне хотелось бы знать, не оберегаешь ли ты ее настолько, что можешь сделать что-нибудь неудобное, к примеру, вызвать меня на дуэль. Мне показалось, ты попытаешься меня отговорить.

Хоксуэлл ошеломленно посмотрел на него.

– Я тронут, Каслфорд. И я нисколько не шучу. Неужели ты отказался бы от изысканной женщины, если из-за этого нам пришлось бы встретиться на поле чести?..

Каслфорд решил не объяснять, что он вовсе не говорил, будто откажется.

– Ну и?..

Хоксуэлл немного подумал.

– Может, моей жене она как сестра, но на самом деле они не родственницы. Нет, я не буду бросать тебе перчатку.

– Я рад, что ты так на это смотришь.

– Тем не менее я должен попытаться тебя отговорить.

– Считай, что ты это уже сделал, и избавь нас обоих от лишних разговоров.

Хоксуэлл открыл рот, собираясь возразить, но передумал и сделал глоток вина.

– Когда? Я должен быть готов к боям на семейном фронте, когда Верити об этом услышит.

– Скоро. Неделя... самое большее – дней десять. Мне только нужно вызвать ее в Лондон.

– Ты чересчур уверен в себе, настолько, что даже не просишь меня дать слово не предупредить ее через жену.

– Нет никакой необходимости ее предупредить. Она уже знает.

Брови Хоксуэлла взлетели вверх.

– Ты уже сообщил ей о своих намерениях?

– Не так чтобы прямо, но она знает.

Хоксуэлл внимательно посмотрел на него и усмехнулся:

– Ты уже попытался, верно? Ты попытался, но совершенно ничего не вышло. И не делай вид, что это предположение нелепое. Я тебя знаю, и я прав. – Он с досадой стукнул себя по колену. – Проклятие, жаль, что Саммерхейза нет в городе! Мы бы держали пари и получили много удовольствия, глядя, как обещанная неделя превращается в год или даже в никогда.

– Может, тебе и требуется год, чтобы уложить в постель изысканную женщину, но заверяю тебя, мне хватит недели или, может быть, две, в крайнем случае – три. Но год – это смешно, тут и говорить не о чем.

– Значит, у тебя в рукаве козырь, о котором я ничего не знаю.

– Только мое обаяние.

Хоксуэлл так расхохотался, что даже побагровел. Вытирая глаза, он налил себе еще вина.

– Посмотрим, как твое пропитое обаяние поможет тебе с этой особенной женщиной, Каслфорд.

Дафна слегка раздвинула занавески в карете, выглянула из окна и хмуро отметила, что они уже проезжают Гайд-парк.

Кэтрин рядом с ней так нагнула голову, чтобы тонкий солнечный лучик не попал ей на лицо, хотя с ее шляпкой это было невозможно. Широкие поля закрывали все, а кружевной чепчик под шляпкой прятал остальное.

Дафна отпустила занавеску.

– Никто тебя не увидит, я обещаю. Экипаж доставит тебя прямо к двери, и ты окажешься в доме в мгновение ока. Слуги там все незнакомые, никто не обратит на тебя внимания.

– Я не боюсь, что меня увидят, – ответила Кэтрин. – Просто не люблю города, вот и все.

– Тогда мне вдвойне жаль, что я вынудила тебя поехать в Лондон, Кэтрин. Впрочем, у меня не было выбора. Я знаю, что ты это понимаешь.

Кэтрин сидела рядом с ней, как каменная статуя. Было жестоко настаивать на том, чтобы она тоже поехала, но Дафна никак не могла нанести этот визит одна, без компаньонки. Это было бы глупо.

– Не понимаю, почему он не мог снова сам приехать в Камберуорт, – недовольно пробормотала Кэтрин. – С его стороны очень грубо заставлять тебя совершить это путешествие только ради того, чтобы встретиться с ним по такому пустяковому поводу. Может, он и герцог, но если ему требуется светский визит, он и должен терпеть неудобства, а не ты и уж точно не я.

Это тот случай, когда правило не совать нос в чужие дела особенно полезно, решила Дафна. Кэтрин совершенно самостоятельно сделала ложные выводы об этом визите в Лондон, но Дафна не чувствовала себя обязанной объяснять ей, что это вовсе не светский визит, что герцог не особенно настаивал на этом визите и что на карту поставлено нечто большее, чем Кэтрин может даже предположить.

Странное приглашение Каслфорда лежало в ридикюле у Дафны. Один абзац, написанный гладким почерком и официальным языком секретаря, мистера Эдвардса. Тот извинялся от имени герцога за то, что не связался с ней раньше по поводу ее дела. Мистер Эдвардс объяснял, что в прошлый вторник возникли кое-какие вопросы по поводу собственности и что они, в свою очередь, будут вскоре решаться. И просил запастись терпением.

Под подписью мистера Эдвардса другим почерком, более резким и характерным, были добавлены еще несколько слов: «Вам лучше приехать в следующий вторник в три часа. Каслфорд».

Дафна до сих пор не решила, что означает это «вам лучше приехать». Можно истолковать это так, что занятой человек предлагает ей присутствовать при его решении, чтобы она смогла высказаться в защиту своих интересов. Но если прочитать это по-другому, его слова звучали угрозой.

Она не ожидала приятной встречи в любом случае. Поскольку сегодня вторник, Каслфорд должен быть трезвым, поэтому Дафна не думала, что он поведет себя непристойно. Однако в последний раз они расстались через каких-нибудь пятнадцать минут после того, как она отвергла его заигрывания, и назвать эти проведенные вместе четверть часа неприятными – значит, ничего не сказать. И он вовсе не отступился даже после того, как она совершенно определенно выразила свое мнение.

Дафна по-прежнему видела его перед мысленным взором таким, каким он тогда уходил: недовольным, раздосадованным, наблюдавшим за ней так, как ястреб следит за мышью-полевкой.

«Думаю, мне придется посвятить весь следующий год тому, чтобы вновь вогнать вас в краску, миссис Джойс», – сказал он.

Он уехал на рассвете, до того, как все проснулись. Она услышала топот копыт на лужайке и с облегченным вздохом зажмурилась. Вероятно, было бы умнее проститься с ним, если бы он дал ей это сделать. Может быть, они вместе посмеялись бы над тем, что произошло в оранжерее. Может быть, он даже извинился бы...

А вместо этого она волновалась все три следующих дня и чуть с ума не сошла, когда в среду не получила известия о том, к какому решению он пришел во вторник. А в пятницу после обеда пришло это странное письмо.

Карета остановилась. Дафна отдернула занавески, нагнула голову и выглянула в окно. Ширина и высота дома Каслфорда впечатлили бы кого угодно. В нем не было ничего сдержанного, скромного или осмотрительного, зато украшения были ярче и пышнее, чем это принято в Англии, а окон больше, чем в любом особняке. Сам проект бесстыдно кричал о богатстве, привилегиях и отсутствии сдержанности.

Ну разумеется.

Целая толпа слуг в синих старомодных ливреях с галунами стояла, готовая ее обслужить. Протянулись руки в белых перчатках, помогая ей и Кэтрин выйти из экипажа. Два парика, увенчанные треуголками, проводили их до двери. Внушительный дворецкий, весь в золотых пуговицах и вышивке, взял ее карточку, положил на серебряный поднос, который держала чуть более тусклая версия его самого, и мгновенно повел их вверх по изогнутой лестнице, начинавшейся сразу за холлом. Кэтрин шла рядом, широко распахнув глаза, настолько переполненная впечатлениями, что забыла про страх. Дафна изо всех сил старалась не впадать в такое же благоговение при виде окружавшей их роскоши.

– Ты когда-нибудь видела что-нибудь настолько же красивое? – прошептала Кэтрин. – А что, Одрианна и Верити тоже так живут?

– Дома у них такие же большие, но эффект получается не такой показушный.

Конечно, их подруги не жили в герцогских домах, но ведь не все герцоги обитают в такой неумеренности. Бексбридж, к примеру, жил не так, но рассказывали, что среди его предков были пуритане.

– Там, наверно, совершенно неприличные картины. – Кэтрин показала на потолок, где среди буколических пейзажей резвились обнаженные боги и богини в позах, исполненных амурных намеков.

– Такие вещи не считаются неприличными, если ими занимаются римские боги.

– А какими же они считаются?

– Аллегорическими. Впрочем, я всегда думала, что это просто оправдание для мужчин, желающих любоваться непристойными изображениями.

Они добрались до жилых комнат, прошли через две огромные гостиные, и наконец сопровождающий привел их в сравнительно простую комнату в конце дома, с деревянными панелями умеренных оттенков. Окна в трех стенах этой комнаты выходили на реку и Гайд-парк. Приятный сквознячок колыхал занавески.

Дворецкий сообщил, что герцог к ним вскоре присоединится. Появились двое слуг с подносами, где были крохотные пирожные и чай. После некоторой суеты их обслужили и оставили одних.

Дафна села на кушетку и откусила кусочек пирожного со вкусом лимона. Как только они проехали парк, ее желудок начал сжиматься, и теперь она едва смогла проглотить пирожное. Возможно, все эти волнения безосновательны. Судя по слухам, Каслфорд все же не

конченный негодяй. В свое время он был очень добр к Одрианне и к Верити. Может, он и проводит шесть дней в неделю в распутстве, может, ему плевать, что о нем говорят, может, он получает удовольствие от своей испорченности, но никто никогда не называл его злым и жестоким.

К несчастью, если он выставит ее с этой земли, его нельзя будет назвать ни жестоким, ни злым. Это будет всего лишь поступком человека, решившего с толком использовать свое наследство. Нет, не злым будет его поступок, а скорее ожидаемым, умным. Дафна вспомнила его взгляд в те несколько ужасных минут после того, как он перестал ее обнимать. Снова услышала она мрачный сардонический голос, каким он попрощался с ней у дверей оранже-рей.

Сердце ее упало, и она перестала надеяться на положительный исход этой встречи. Наверное, следовало начать складывать вещи сразу после того, как она услышала на заре удаляющийся конский топот.

Вскоре из примыкающей комнаты послышались громкие шаги. Два лакея широко отво-рили двери в просторную гостиную, и в комнату вошли несколько мужчин во главе с Касл-фордом.

«Сегодня он выглядит официальнее, жестче, неуловимым образом опрятнее и суро-вее», – подумала Дафна. Он шел как человек, шагающий по жизни с определенной целью, а строгий взгляд говорил о пристальном внимании к делу, которым он занят.

Дафне сразу стало понятно, что это дело – она сама.

Каслфорд внимательно посмотрел на нее, и в этом взгляде отразилось его высокое положение, чего она не замечала раньше. Герцог, привыкший всегда добиваться своего, изу-чал женщину, осмелившуюся отказать ему в этой привилегии.

Он представил ей и Кэтрин двух мужчин, вошедших вместе с ним. Юный блондин в очках, с неожиданно решительной челюстью и серьезным лицом, оказался его секретарем, мистером Эдвардсом. Второй, постарше, дородный лысеющий мужчина, был его юристом, мистером Гудейлом. Под мышкой мистер Гудейл держал большой бумажный свиток.

– Мистер Эдвардс, проводите, пожалуйста, мисс Джонсон вниз и покажите ей сад, – отрывисто произнес Каслфорд, завершив формальности. – Она большой специалист в садо-водстве и покажет вам все, что наши садовники делают неправильно, а вы запишете ее реко-мендации по улучшению.

Мистер Эдвардс вытащил из кармана сюртука небольшой блокнот для заметок и поклонился Кэтрин.

– Мисс Джонсон, не окажете ли мне честь?

Сильно смешавшись, Кэтрин позволила мистеру Эдвардсу увести себя из комнаты.

Каслфорд уселся в кресле лицом к кушетке. Дафна понадеялась, что его расслабленная поза поспособствует изменению сурового выражения лица.

Еще один мрачный изучающий взгляд. На этот раз она заметила дьявольские искорки в его глазах, но сегодня они придавали ему вид скорее опасный, чем лукавый. Нет, Каслфорд не стал другим человеком, но похоже, в дни полной трезвости его характер наряду с умом становится более резким.

– Миссис Джойс, извините меня за то, что я при помощи этой небольшой лжи удалил отсюда мисс Джонсон. Я подумал, что вы вряд ли захотите, чтобы ваша приятельница услы-шала наш разговор. Не знаю, насколько вы ей доверились.

– Я ей не доверялась. Хорошо, что ее тут нет. – Дафна с самого начала предполагала, что Каслфорд не будет в восторге от присутствия тут Кэтрин и не захочет при ней быть откровенным. Она вовсе не думала, что он примет ее со «свитой».

– В таком случае давайте обсудим наше дело. Гудейл обладает талантом быстро находить нужную информацию. Он намного умнее, чем выглядит, и очень любит рыться в документах и всяческих записях. Он навел кое-какие справки, чтобы я знал все необходимое для принятия решения в прошлый вторник.

Сердце забилося сильными, медленными толчками.

– Справки? – Это все, что Дафна сумела произнести спокойным голосом.

Она осторожно взглянула на мистера Гудейла. Тот, не обратив внимания на оскорбление, скрытое в похвале Каслфорда, просиял от удовольствия, решив, что его оценили очень высоко.

– Всегда полезно выяснить все про унаследованную собственность, чтобы знать, что к чему, – пояснил мистер Гудейл. – Его светлость склонялся к быстрому решению, но я убедил его все как следует взвесить и проверить, нет ли тут каких-либо неожиданных факторов, требующих тщательного осмысления.

Другими словами, этот юрист вмешался в принятые решения в прошлый вторник, только непонятно, хорошо это для нее или плохо.

– Как мудро, сэр.

Он склонил голову.

– Мне нравится думать, что я хорошо служу своему патрону и даю верные советы.

– Хватит себе льстить, Гудейл, – сказал Каслфорд. – Это становится утомительным. Вы здесь только по одной причине, так что приступайте к делу.

– Разумеется. – Гудейл встал так, чтобы она хорошо его видела, и приготовился к представлению. Он развернул принесенный с собой рулон бумаги и поднял его вверх так, что нос, глаза и лысеющая макушка торчали над верхним краем, а брюшко подперло нижний.

Это была карта.

– Я начертил ее специально к нашему разговору, миссис Джойс, – произнес он приглушенным из-за бумаги голосом. – Как вы сами можете заметить, тут все увеличено, поэтому видно гораздо лучше, чем на обычных картах.

Он кинул взгляд на герцога, ожидая похвалы, но не дождался, так что Дафна постаралась сама заполнить паузу.

– Очень умно, сэр. Должна признаться, что большинство карт настолько мелкие, что я на них почти ничего не различаю.

– Я тоже! И меня осенило – почему бы не упростить все для нас обоих? Я начертил ее сам и полагаю, что масштаб здесь сравнительно верный. В особенности я горжусь тем, как...

– К делу, мистер Гудейл!

– Разумеется, ваша светлость. Так, теперь посмотрите сюда, миссис Джойс. Это Камберуорт. – Он указал на скопление квадратов и прямоугольников в нижнем левом углу карты. – А вот это – ваш дом. – Он указал на лужайку, дом и сад фермы «Редкие цветы» на северо-западе от города. – И, как я и предполагал, тут действительно имеется неожиданный фактор. Прямо... вот тут. – Он показал на большой кусок земли к северу от рощи, граничившей с ее собственностью.

– Это неовозделанная земля, которую владелец не обрабатывает. Этот участок уже много лет необитаем, на нем растут только деревья и кустарники, больше ничего, – сказала Дафна.

– Вы ошибаетесь, миледи. Это не отдельное владение к северу от вас. Это часть собственности, на которой вы сейчас живете. Все эти земли отошли к лорду Бексбриджу после смерти его матери. Следовательно, он был волен распорядиться ими в своем завещании.

– Так это все одно владение? – Дафна протянула руки к карте. Мистер Гудейл подошел к ней и разложил карту у нее на коленях. Очень удивленная, она склонилась над линиями и пометками.

Бексбридж не давал ей карту. Он всего лишь распорядился насчет дома, в котором она сейчас жила. Земля перед домом и позади него, очевидно, относилась к нему. Земля севернее, за рощей, очевидно – нет.

– Если у вас возник какой-то интерес к тому участку, а он относится к арендованной мною земле, позвольте сказать, что мне он не нужен. Его можно сдать кому-нибудь другому.

– Не все так просто, – вмешался Каслфорд. – Покажите миссис Джойс остальное и поспешите. Вы и так отняли времени больше, чем я могу вам выделить.

Мистер Гудейл вновь склонился над картой и показал на участок, расположенный в отдалении от ее дома, но довольно близко к тому, северному за рощей.

– Миссис Джойс, вы видите вот эти отметки? Это условные значки маркшейдеров.

– Касательно чего?

– Минералов. Они под землей и пока по большей части не тронуты, но очень скоро тут начнут копать... небольшую шахту.

Дафна вгляделась в пятно под его пальцем, в нескольких милях от Камберуорта.

Мистер Гудейл сел в кресло слева от нее, пожирая глазами пирожные.

– Миссис Джойс, за то время, что вы живете в этом доме, проводились ли хоть когда-нибудь исследования земли? Возможно, приходили люди с картами, инструментами, механизмами для рытья и бурения?

– Никогда никто не приходил.

Губы мистера Гудейла поджались словно сами по себе. Он задумался.

– Вы можете идти, Гудейл. Этого довольно, – сказал Каслфорд.

Мистер Гудейл вскочил на ноги, словно кукольник дернул за веревочки. Он поклонился Дафне, еще ниже – герцогу, и исчез.

Она осталась наедине с Каслфордом.

Глава 5

Дафна и герцог некоторое время сидели и смотрели друг на друга. Похоже, он что-то обдумывал, но она представления не имела, что именно.

– Вы в самом деле можете просто сдать этот участок земли кому-нибудь другому. Нам он не нужен, – не выдержала Дафна.

– Там нет коттеджа. Доход от земли не окупит вложений в строительство.

А вот на всей собственности дом имелся, тот, в котором жила она.

– Вы вызвали меня сюда, чтобы сообщить, что из-за непредвиденных размеров владения не желаете предоставлять его женщинам, которые не в состоянии заплатить обычную арендную плату? И мистер Гудейл подготавливал сцену для того, чтобы вы смогли объявить решение, которое мне не понравится?

– Я вас не вызывал.

– Вы, безусловно, меня не приглашали прямо...

– Неужели моя записка оказалась чересчур короткой? Я вообще не люблю писать письма, может, поэтому? Никогда не понимал привычки тратить часы, дни на письма едва знакомым людям. Держу пари, вы пишете письма только тогда, когда это необходимо, потому что вы далеко не дура, и даже в этих случаях только потому, что у вас нет секретаря, как у меня.

– Ваша записка была исключительно короткой, и вы меня вызвали сюда только для того, чтобы...

– Повторяю – я вас не вызывал. Если мне когда-нибудь доведется приказывать вам, миссис Джойс, вы это сразу поймете.

Она закрыла глаза и взяла себя в руки. Это не человек, а тяжелое испытание.

– Вы позвали меня сюда только для того, чтобы сообщить, что не готовы выполнить последнюю волю Бексбриджа насчет этой собственности.

– Как вы славно все изложили. Предполагалось, что Гудейл объяснит почему, но мне кажется, он только все запутал. Он что-то болтает, болтает, причем в самой утомительной манере, и своей болтовней затемняет факты, которые должен осветить.

– Вы можете сделать это лучше?

Каслфорд поставил локоть на подлокотник кресла и пристроил подбородок на кулак.

– Я могу перечислить вам все те же скучные причины. В конечном итоге вот они все: у меня есть обязательства, миссис Джойс, перед моим положением в обществе, перед титулом и перед будущими Каслфордами. В них, помимо всего прочего, входит имущество, которое я передам наследникам. Сам я нахожу эти обязательства слишком требовательными и раздражающими и не позволяю им управлять моей жизнью, но при этом не могу относиться к ним пренебрежительно. Ваше владение теперь относится к этим обязательствам.

– А как же последняя воля Бексбриджа?

– Да к черту его волю! Теперь это моя собственность и требует такого же управления, как и все остальные мои владения.

Все, он собрался выгнать ее с этой земли, теперь Дафна знала точно. Лучшее, что она сейчас может сделать, это выторговать какое-то время, чтобы найти себе какую-нибудь лачугу.

– Во время своего визита вы вели себя более сочувственно. Собственно, вы были совсем другим человеком.

– Миссис Джойс, основная разница между тем днем и сегодняшним – единственная, но самая существенная! – это то, что сегодня вторник.

Она думала, что ко всему приготовилась, но даже не представляла, как это ужасно – по-настоящему столкнуться с неотвратимостью перемен. Она потеряет не только свой бизнес, единственное средство к существованию, но и все свои далеко идущие планы и отчаянные надежды на будущее.

В голове всплыла одна такая надежда, очень личная, больше похожая на фантом, и вызвала невыносимую тоску. Самообладание ее пошатнулось. Дафна уставилась в пол и стиснула зубы, чтобы не поддаться внезапному порыву заплакать.

– Похоже, по вторникам вы позволяете себе быть жестоким, ваша светлость. Надо полагать, именно поэтому вы откладываете все скучные решения на этот день?

Дафна почувствовала какую-то реакцию, но не решилась поднять глаза и посмотреть. В воздухе ощущались изменения, причем настолько сильные, что она опасалась увидеть в его глазах сатанинские огни.

Потом все в основном прошло. Тем не менее она продолжала чувствовать, что он за ней наблюдает.

– Не все потеряно, – произнес он. – Верно, сегодня я не готов учитывать предпочтения Бексбриджа, но целиком эту идею не отверг.

– Нет? – Она вскинула глаза, не осмеливаясь снова надеяться, выискивая признаки того, что он просто дразнит ее, забавляясь.

Он выглядел безмятежным, равнодушным. Выглядел так, словно он утратил к ней всякий интерес и предпочел бы для разнообразия посмотреть в окно.

– Я еще не принял решение. И прежде чем я его приму, мне нужно выяснить еще кое-что, чтобы мое решение основывалось на безупречных фактах. Если я даже решу эти факты игнорировать, все равно сначала должен их узнать. К примеру, необходимо оценить доход, который я потеряю, если оставлю землю вам. – Он едва не зевнул. – Это не займет много времени.

– Это может занять год, если вы будете заниматься делами только раз в неделю!

– Вы преувеличиваете. В конце концов, вы сказали, что потребуется год вторников, чтобы я снова увидел, как вы краснеете, а не прошло и двух недель, как это случилось несколько раз за один-единственный сегодняшний день.

Услышав небрежный намек на тот вечер в оранжерее, Дафна снова вспыхнула. Ее тревожило то, что он так легко и часто вгоняет ее в краску. Больше это никому не удавалось.

Она снова вернулась к главному вопросу:

– Мне бы хотелось, если это возможно, как можно скорее узнать, что меня ждет дальше. Если придется уезжать, для растений лучше, чтобы это случилось осенью, и может потребоваться время, чтобы найти другое подходящее пристанище.

– Миссис Джойс, вы настаиваете, чтобы я принял решение сегодня, сразу после того, как именно за это меня и упрекали? Вы сбиваете меня с толку.

– Сбивает с толку неуверенность в том, есть ли у тебя крыша над головой и средства к существованию. Разумеется, я не хочу подталкивать вас к импульсивному решению, но буду благодарна за своевременное.

Каслфорд встал и зашагал по комнате. Просьба Дафны словно повисла в воздухе. Наконец он скрестил на груди руки и глубоко вздохнул. Герцог выглядел так, будто собирается сказать что-то, о чем заранее сожалеет.

– Полагаю, я мог бы заняться вашим делом и в другие дни, помимо вторника, просто чтобы вы не тревожились неопределенностью.

– О, благодарю вас, ваша светлость.

– Тем не менее я не желаю впустую тратить время и терпеть нарушения привычной мне жизни сверх необходимости. Если возникнет вопрос, требующий вашего содействия, я желаю быстро получить ответ. Раз уж мне придется каждый день терпеть беспокойство из-

за открывшихся заново обстоятельств, я не желаю, чтобы меня всю неделю преследовали невыясненные подробности.

– Обещаю, что если вы или мистер Гудейл мне напишете, я сразу же отвечу обратной почтой.

– Обратной? Это вряд ли подойдет. Будет лучше, если вы на это время останетесь в Лондоне. В таком случае вы сможете дать ответ немедленно.

Требование застало Дафну врасплох. Каслфорд смотрел на нее и казался просто олицетворением рассудительного человека, полагающего, что она пойдет ему навстречу точно так же, как он пошел навстречу ей.

– Это невозможно. У меня тоже есть обязанности в «Редких цветах».

– Мисс Джонсон наверняка сможет ухаживать за цветами и растениями во время вашего недолгого отсутствия. В ваших же интересах задержаться в городе, таким образом мы решим все гораздо быстрее. Кроме того, оставшись здесь, вы сможете повлиять на мое решение. Я удивлен тем, что вы не видите всех преимуществ моего предложения.

Он загнал ее в угол. Дафна всматривалась ему в лицо в поисках малейших проблесков насмешки, но видела только герцога, считающего, что она слишком тупа, раз не понимает, что он облегчает ей победу.

– И сколько, по-вашему, это продлится?

– Неделю, может быть, дней десять. Я не представляю, чтобы все затянулось на более долгое время.

У Дафны невольно возникли подозрения. Но все же... если таким образом все решится быстрее, если она сможет повлиять на его решение...

– Полагаю, я могу попросить Селию... миссис Олбрайтон, выделить мне комнату в их доме.

Каслфорд вернулся в кресло и устроился в нем очень удобно.

– Сомневаюсь, что ее муж одобрит такое вторжение, все-таки они молодожены. Кроме того, она живет рядом с Бедфорд-сквер, верно? Это слишком далеко и неудобно. Лучше вам остаться здесь в качестве моей гостьи.

Его невинное лицо ее не одурачило. Она уже догадывалась, в какую игру он играет, и это последнее предложение открыло все карты.

– Если я хоть немного дорожу своей репутацией, лучше мне этого не делать, ваша светлость.

Он коварно усмехнулся и стал похож на того себя, каким был в ее доме.

– Я и забыл, что миссис Джойс очень строго относится к правилам поведения.

– Да, в этом смысле она очень скучна и неудобна.

Все еще улыбаясь, он с ног до головы окинул ее тем самым знакомым, ехидным взглядом, едва заметно нарушающим границы приличий.

– А если я буду настаивать?

Значит, вот в чем дело. Этот визит потребовался ему не только ради принятия решения. Внезапно Дафне показалось, что она попала в лапы к хищнику. Ей бы очень помогло, если бы поднявшая голову осмотрительность не разбавлялась тревожащим теплым возбуждением.

– Если вы будете настаивать, я поинтересуюсь вашими мотивами, которые весьма подозрительны, сэр. А также напомним, как вы сказали мне, что я могу отказать вам в чем угодно и вы не будете держать на меня зла. Надеюсь, вы, как джентльмен, говорили правду.

– Не помню, чтобы я такое говорил. Я уверен, что вы ошибаетесь. Это вовсе не похоже на меня.

– Вы все отлично помните, когда захотите. Это было последнее, что вы сказали мне к концу нашего обеда.

– Как неосторожно с моей стороны. Я никогда не веду себя так необдуманно и великодушно.

Воздух сгустился от невысказанных слов и скрытого в них смысла. Дафна наскоро помолилась, чтобы не покраснеть опять, но его долгий понимающий взгляд вызывал в ней пугающий непристойный трепет.

– Сегодня же вечером я напишу Селии и обо всем договорюсь. Она уговорит мужа, и они согласятся принять меня.

Он досадливо отмахнулся от ее слов.

– У меня есть более удачное решение, и вы не сможете против него возразить. Саммерхейз предложил воспользоваться его фамильным особняком на Парк-лейн. Поскольку они с женой отбыли на побережье, а его мать отправилась в загородное имение, вы найдете там уединение и с удобством разместитесь, не нарушая правил приличия.

Он спланировал все очень тщательно, сообразила Дафна. Вероятно, обдумывал много дней и во время сегодняшнего разговора подводил ее именно к этой точке.

– Я сомневаюсь, что лорд Себастьян предложил это, поддавшись внезапному порыву. Что вы сделали, чтобы подтолкнуть его?

– Должно быть, я ему написал и упомянул, что познакомился с вами и предполагаю, что вы можете на две недели приехать в город.

– Вы сказали – неделя.

– В письме я выразил озабоченность, поскольку жить в Лондоне летом бесполезно. Он ответил, что вы должны поселиться в их доме, который находится в парке, а воздух там прохладный и всегда свежий. Он сказал, леди Себастьян напишет вам сама и подтвердит приглашение. – Каслфорд наклонился и взял с блюда маленькое пирожное. – Вероятно, ее письмо прибыло в Камберуорт сегодня. – Он закинул пирожное в рот и выглядел при этом страшно довольным тем, что устроил ее следующую неделю так, как ему хотелось. И ведь он это сделал! Дафна не сомневалась, что если она отвергнет этот план, Каслфорд с его характером будет далеко не столь великодушен. И он это тоже знал и рассчитывал на свою репутацию, понимая, что Дафна не может ему доверять.

– Вы обещаете, что если я приеду в город, вы всерьез займетесь моим делом?

– Полагаюсь на то, что вы просто не позволите мне думать о чем-либо другом, когда будете здесь. А теперь, раз уж вы, похоже, склонны согласиться, пойдемте поищем мисс Джонсон. Мне нужно вернуться в ад и вновь терпеть пытки проклятых.

Он повел ее из этой продуваемой сквознячком комнаты через роскошные гостиные, вниз по лестнице на террасу. Кэтрин в саду показывала на куст роз и что-то говорила, а серьезный мистер Эдвардс послушно записывал в блокнот.

Заметив своего патрона, он пригласил Кэтрин на террасу. Кэтрин выглядела вполне спокойной. Похоже, сад унял ее тревоги.

Каслфорд отвел мистера Эдвардса в сторону и заговорил с ним. Кэтрин подошла к Дафне.

– Почему ты не сказала, что привезла меня сюда, чтобы я впервые могла дать полезные советы по уходу за садом и растениями в богатом доме? Большое спасибо за такое доверие.

Дафна заметила, как мистер Эдвардс показывает свои записи Каслфорду, а тот едва не зевает от скуки.

– Хотела тебя удивить.

Каслфорд договорил и ушел. Мистер Эдвардс вернулся к дамам.

– Мне доверена честь проследить, чтобы вас, леди, благополучно доставили по домам. Его светлость распорядился сначала отвезти вас на Парк-лейн, миссис Джойс, и оставить там.

– У меня есть экипаж, и я собираюсь поселиться на Парк-лейн через день или два. Ваше сопровождение не потребуется, можете возвращаться к его светлости.

Юноша пришел в смятение.

– Ваш экипаж отпустили час назад, миссис Джойс, по распоряжению герцога. – Он сверился с блокнотом и начал перечислять приказы: – Прежде чем мы присоединились к вам, его светлость отдал мне распоряжения. Я должен отвезти вас на Парк-лейн, а мисс Джонсон – в Камберуорт, разумеется, сам я должен ехать не в карете его светлости, а рядом. Потом мне следует вернуться на Парк-лейн с вещами, которые для вас упакует мисс Джонсон.

Мистер Эдвардс получил эти приказы еще до того, как Каслфорд вошел в ту славную комнату!

– Я вижу, герцог позаботился о том, чтобы вечер у вас был очень занят, мистер Эдвардс. К сожалению, составляя свои планы, его светлость не принял во внимание наши предпочтения.

Мистер Эдвардс вспыхнул.

– Неужели он не потрудился объяснить вам все это? Мои искренние извинения. Вынужден с сожалением заметить, что такое иногда случается. Впрочем, герцогам приходится держать в голове слишком многое.

Дафна подозревала, что у этого герцога в голове исключительно игра в соблазнение. Он не пожалел усилий, чтобы обеспечить ее проживание в удобной близости от себя до тех пор, пока он не решит позабавиться и сделать свой следующий шаг.

Глава 6

Дом на Парк-лейн был основательным и элегантным, как и подобает городскому особняку лорда. В прошлом Дафна несколько раз навещала Одрианну и даже знала нескольких слуг. Если бы ей хотелось провести неделю или десять дней летом в Лондоне, лучшего и придумать нельзя. Несмотря на то что хозяева уехали на побережье, в доме оставалось достаточно слуг, чтобы обеспечить ей безопасность, комфорт и покой.

Однако она с первого же часа в доме почувствовала себя уязвимой. Возможно, причина была в размерах этого места. Ни громадная библиотека, ни огромная столовая не предлагали уюта. Стоило ей выйти из комнаты, и отовсюду слышалось эхо ее шагов.

Комната стала ее убежищем. После того как мистер Эдвардс доставил Дафну в холл, обедать она решила в комнате. Когда он вернулся с ее вещами, Дафна сидела у окна и смотрела, как темнота преобразует парк.

Доставка багажа в комнату превратилась в своего рода церемонию. Горничная предложила развесить по местам ее вещи, и Дафна отметила, что два ее лучших платья, предназначенные для парадных обедов, оказались в саквояже, хотя она не просила Кэтрин уложить их.

Видимо, мистер Эдвардс получил очень подробные инструкции от своего хозяина и вмешался, когда Кэтрин выбирала, какую одежду взять.

Поняв это, Дафна почувствовала себя еще более уязвимой. Герцог устроил так, чтобы она поселилась в огромном городском доме с целыми акрами пустых комнат, куда ни за что не войдут оставшиеся в городе слуги. Заодно постарался, чтобы с ней не было ни одной подруги, да и вообще компаньонки. Все эти интриги говорили о том, что его интерес к Дафне значительно больше, чем может допустить порядочная женщина от мужчины, пользующегося такой дурной славой.

Она решила, как прекратить эту игру, ложась спать, и снова начала думать об этом, когда проснулась. И только она успела признать, что чувствует себя уязвимой, потому что не считает его настолько отталкивающим, как должна бы, как горничная принесла завтрак.

Разумеется, писем не было, зато на подносе лежал дневной выпуск «Таймс». Дафна читала, завтракая за столом, стоявшим у окна.

Ее внимание привлекла статья, сообщавшая о все усиливающихся волнениях среди рабочих на севере. Дафна искала знакомые имена, желая убедиться, что волна насилия не угрожает тем, кого она любит, и молилась о том, чтобы все они были в безопасности, да и остальные, живущие в этих районах, тоже. Когда она дочитала статью до конца, то заметила еще одну статейку.

Газета сообщала, что лорд Латам, новый герцог Бексбридж, скоро должен приехать в Лондон. Автор статьи высказывал мнение, что в правительстве и армии нашло большой отклик недавно опубликованное эссе Латама, в котором он назидательно советует вернуться к повиновению гражданским и естественным законам, утверждая, что это имеет решающее значение для будущего Англии.

От этой статьи настроение Дафны окончательно испортилось, впрочем, как и всегда, когда она думала о Латаме. Несколько лет подряд у нее не было поводов о нем вспоминать, но, похоже, передышка окончена.

Нужно будет раздобыть это его новое эссе. Почитать его будет забавно. Возвращение к повиновению гражданским и естественным законам, в самом деле! Насколько она помнила, у этого человека не было совести, он считал себя превыше всех законов. Наверняка он уверен, что покорными должны быть только представители низших слоев общества.

Пришла горничная, забрала поднос. С ней вместе вошел лакей и протянул Дафне визитную карточку. Леди Хоксуэлл ожидает внизу.

Через несколько минут в спальню ворвалась Верити, швырнула на кровать шелковый ридикюль и сорвала с себя шляпку, продемонстрировав темные волосы с искусно уложенными кудряшками.

Верити была красавицей самого модного типа – кожа цвета слоновой кости, алые губки, темные волосы – до такой степени, что раздражала некоторых светских леди, считавших, что природа, не говоря уж о лорде Хоксуэлле, не должна была так благоволить к женщине с простонародным происхождением.

– Зря ты выбрала эту комнату, – сказала Верити. – Она, конечно, выходит в парк, но еще она выходит на запад, и днем здесь будет очень жарко. Да еще и гостиной нет.

– Она подходит мне по величине, виду из окон и светлым оттенкам в убранстве. – Дафна взяла Верити за руку и усадила в кресло. – Откуда ты так быстро узнала, что я здесь?

Верити отодвинула кресло к стене, чтобы солнце, уже вливавшееся в окна, ее не слепило.

– Селия прислала мне сегодня утром записку. Она, в свою очередь, услышала об этом от мужа, узнавшего о тебе, когда он был в Сити.

– Не думаю, что тебе известно, от кого это узнал мистер Олбрайтон.

– Ему рассказал Каслфорд. Сегодня рано утром они встречались с мистером Олбрайтоном по поводу этого его наследства. Поскольку Каслфорд считает подобные совещания скучными и давно не принимает в них участия, сегодня он здорово удивил мистера Олбрайтона. – Верити говорила небрежным тоном, одновременно осматриваясь и изучая обстановку комнаты. Она изо всех сил старалась делать вид, что ничего особенного не происходит, но ее голубые глаза сверкали любопытством.

Дафна терпеть не могла врать своим подругам. Однако она не могла рассказать о завещании Бексбриджа, не рассказав о себе значительно больше, чем когда-нибудь кому-либо сообщала. Все это никак не относилось к вещам, подходящим для ушек Верити.

– Я решила воспользоваться предложением Одрианны пожить в их доме, чтобы немного развлечься, а заодно встретиться с некоторыми семьями, выразившими желание заключить контракт с «Редкими цветами». – Дафна говорила чистую правду, только немного искаженную, а намек на развитие своего дела добавила, поддавшись внезапному порыву.

Верити ласково взглянула на нее. Она прекрасно поняла, что это далеко не все, но Дафна не сомневалась, что подруга не будет ничего выпытывать.

Верити потеревала кружево, которым была оторочена перчатка.

– Я и не знала, что вы знакомы, в смысле – с Каслфордом. Весной он не пришел на свадьбу Селии. Он редко посещает свадьбы, потому что их устраивают по утрам, а утром он... в общем, говорят, что его режим дня сильно отличается от режима других людей.

– Мы познакомились недавно.

– Должно быть, ты произвела на него большое впечатление. Он планирует званый обед, и все ради тебя.

Что?!

– Селия упомянула об этом в своем письме. Нас всех пригласят. Видимо, он состоится примерно через две недели.

– Как мило с его стороны.

– В нем есть эта черта, но ее редко видят, а предсказать невозможно. Обычно любая его мысль эгоистична, а редкие всплески деятельности чересчур назойливы. И все-таки мне он нравится, может быть, потому, что когда он вмешался в мои дела, это было то самое редкое проявление доброты. Впрочем, могу процитировать: «Горе тому, кто вызовет у него любопытство». Так говорит Хоксуэлл. – Верити передразнила звучный голос мужа и захихикала.

Хотелось бы Дафне считать все это таким же забавным, как казалось подруге. Каслфорд действительно обладал привычкой время от времени выходить из своего ступора и лезть в чужие дела, причем обычно с большим успехом. В случае с Верити он совершил редкую для себя попытку помочь дочери мельника добиться некоторого признания в обществе, когда она появилась в нем под руку со своим графом. Совещание с мужем Селии Джонатаном, которое Каслфорд посетил сегодня утром, стало результатом еще одного случая, когда он вмешался в дело, никак его не касающееся.

К несчастью, похоже, что этим летом он будет расточать свои блестящие способности на диковину по имени Дафна Джойс.

И в самом деле, горе ей.

– Интересно, Одрианна с лордом Себастьяном приедут на званый обед? – спросила Верити.

– Я ей напишу и посоветую не пускаться в такое путешествие. Может быть, меня и самой там не будет. Я вовсе не собираюсь прохлаждаться здесь так долго.

– Если тебя не будет, то какой смысл в этом обеде? Должно быть, Каслфорд неправильно понял, сколько времени ты пробудешь в Лондоне.

– Это вряд ли.

– Ну, тогда мы должны найти способ развлечься, пока ты здесь, – сказала Верити. – Я подумаю сама и посоветуюсь с Селией. В городе летом тихо, но мы все равно найдем чем заняться. Может быть, устроим пикник. Впрочем, Каслфорд скорее всего сочтет это скучным.

– Значит, его не следует приглашать. Правильно?

Верити пожала плечами и нацепила шляпку.

– Мне пора. Если тебе станет тут одиноко, добро пожаловать к нам. Вообще не понимаю, почему ты не написала и не решила пожить у нас. Ты нам не помеха, Дафна. Я знаю, что сначала вы с Хоксуэллом не особенно ладили, но сейчас он к тебе очень хорошо относится. Собственно, всего два дня назад он спрашивал, есть ли о тебе какие-нибудь новости.

Дафна проводила подругу. Ей бы очень хотелось верить, что Хоксуэлл не счел бы ее помехой, но сказать, что они не ладили, – это выразиться чересчур вежливо. И еще ей хотелось думать, что Каслфорд, устраивая все это, деликатно учел ее отношения с мужем Верити.

Но все равно она подозревала, что не переезжает к Верити только потому, что этого не хочет Каслфорд.

* * *

Каслфорд велел остановить карету в парке, вышел и направился к входу в парк, а уж оттуда пошел вверх по Парклейн.

Он действовал осторожно не только ради миссис Джойс. Каслфорд не имел ничего против сплетен о себе, но ему вовсе не хотелось, чтобы пошли слухи, что он бежит за женщиной. Длинные языки раздуют из мухи слона, ведь всем известно, что обычно он не прилагает столько усилий.

Ему это не требовалось. Вполне хватало выразить свой интерес и преподнести несколько подарков, а главная трудность заключалась в том, чтобы выпутаться из надоевшей любовной интрижки. Иной раз завершение бывало настолько сложным, что Каслфорд в последнее время предпочитал и не начинать. Жизнь становится проще, если ограничиваться профессионалками.

Однако вот он тут, в середине дня наносит женщине светский визит. Каслфорд и припомнить не мог, когда такое случалось. Мысль о том, что он готов нарушить собственные

весьма разумные правила, раздражала его до тех пор, пока бутылка хорошего вина в клубе не исправила настроение.

Он неохотно признавался самому себе, что Дафна Джойс и ее холодное самообладание в последние десять дней занимают его мысли чаще, чем хотелось бы. И это целиком ее вина.

Его интерес к ней быстро пропал бы, не брось она ему перчатку, даже несколько раз. А он не из тех людей, кто откажется от вызова, тем более такого, какой не только занял мысли, но и задел гордость. Единственный способ обрести покой заключался в том, чтобы следовать туда, куда его влечет, и довести дело до конца.

Обычно это означало, что нужно загнать в угол лизоблюдов из правительства и заставить их ответить на вопросы, выяснить, какие карты прячет в рукаве тот или иной министр. Но иногда любопытство требовало более деятельного расследования, а время от времени подобные загадки занимали его внимание по несколько недель.

Впрочем, Каслфорд не думал, что для того, чтобы выбросить из головы объект его теперешнего возбуждения, потребуется столько времени.

Большинство мужчин посчитали бы унижительным явиться к дверям женщины пешком, но Каслфорд не волновался о подобных вещах, потому что в отличие от большинства мужчин знал себе цену. Хорошо подкрепившись вином, наделившим его блаженным ощущением благополучия, он протянул свою визитную карточку весьма удивленному слуге.

Дождаясь миссис Джойс, Каслфорд развлекал себя, рассматривая картины в гостиной. Он был глубоко погружен в мысленное исправление композиции экстравагантной мифологической сцены работы Ле Сюра, когда вернулся слуга.

– Миссис Джойс нет дома, ваша светлость. – Молодой человек, запинаясь, произнес это, покраснел и отвел взгляд. – Я искренне сожалею, что вынужден сообщить вам об этом, сэр. В высшей степени искренне.

Лакей был юн, зелен и оскорблен тем, что вынужден передать подобное сообщение герцогу. Так, черт возьми, и должно быть. Каслфорд не стал скрывать раздражения и намеренно проигнорировал попытку лакея выпроводить посетителя из дома.

Женщины никогда не вели себя так дерзко. Даже те, кто боялся его, даже те, кто считал его воплощением дьявола, не осмеливались нанести подобное оскорбление.

Лакей нервничал все сильнее и не знал, что делать дальше. Он багровел лицом и суетился, проявляя свое затруднительное положение. Вероятно, более опытные лакеи отправились на побережье с Саммерхейзами.

Каслфорд скрестил на груди руки и пристально уставился на парнишку. Тот покраснел еще сильнее.

– Как вас зовут?

– П... – задушенный кашель. – Перти, сэр. Ваша светлость. Хорас Перти. Сэр.

– Вы кажетесь мне честным человеком, мистер Перти.

– Я стараюсь им быть, сэр.

– Тогда я уверен, что вы скажете мне правду. На самом деле миссис Джойс в доме, верно? Она велела вам это сказать, как делают иногда женщины, если не хотят видеть визитера. Я прав?

Судя по лицу лакея, он едва не падал в обморок. По нему было видно, как он мучительно пытается вспомнить, как нужно себя вести и что полагается отвечать на прямой вопрос посетителя, не желающего играть по правилам общества.

– Ваше молчание говорит само за себя, мистер Перти. Ну же, развяжите язык и скажите мне, где именно в доме обитает миссис Джойс.

– О, я не могу... я не должен...

– Мистер Перти, не бывает никаких «не могу» и «не должен», когда речь идет обо мне. Этого не позволяет себе даже премьер-министр. Скажите, где она сейчас находится. Иначе мне придется обыскать весь дом, чтобы сообщить леди о своем недовольстве.

Глаза Перти едва не вывалились из орбит, так напугала его угроза обыскать дом. И юноша с облегчением подчинился, забыв, что одна леди через несколько минут точно будет умнее, чем он, и шепотом выложил все нужные сведения.

Каслфорд наградил его улыбкой и отослал.

– Запомните, мистер Перти, чего вы не видите, того и не знаете.

Через несколько мгновений Каслфорд шел вверх по лестнице, напоминая себе: «Не забыть бы сказать Саммерхейзу, что слуги вымуштрованы плохо. Мальчишку оказалось слишком легко запугать».

Он нашел комнату, указанную Перти, и открыл дверь в спальню, у которой даже не было прихожей. Спальня, декорированная в белых тонах с вкраплениями зеленого, показала ему чересчур маленькой для такого дома. И ни одного цветочка, невольно отметил Каслфорд. Впрочем, из окна виден парк.

Слева кто-то шевельнулся, он ощутил легкое дуновение воздуха, и из кресла встала миссис Джойс с книгой в руках, гневно сверкнув на него глазами.

– Вы слишком дерзки, сэр!

От гордости и нанесенного оскорбления она чопорно выпрямила спину. Щеки окрасились дивным румянцем. Светлые волосы она убрала очень просто, всего лишь связав у основания шеи лентой. Каслфорд призадумался: какой они, интересно, длины? Основное пространство между ними занимала кровать, и он представил Дафну на ней, стоящую на коленях, со светлыми волосами, упавшими на обнаженную грудь...

Герцог решительно вошел в комнату.

– Вы отказались принять меня, миссис Джойс, хотели выставить меня из дома, как простого клерка или подмастерья, забывшего свое место. И после этого вы считаете, что именно я дерзок?

Она вздернула носик.

– Джентльмен отнесся бы к моему решению учтиво, а не вторгался бы в спальню, как варвар.

– Рад заметить, что я не учтивый джентльмен, учтивость требует от человека слишком глупого поведения. Кроме того, напоминаю вам, что я – его светлость.

Он подошел к окну и выглянул. Отсюда она могла видеть всю Парк-лейн, видимо, потому и выбрала эту маленькую комнатку.

Каслфорд повернулся и посмотрел на Дафну.

– Больше так не делайте.

Ей это не понравилось, но Каслфорду было наплевать. Она вжалась спиной в стену, чтобы увеличить расстояние между ними, и старательно не смотрела на огромную кровать.

– Я не обязана развлекать вас, ваша светлость, в особенности если у меня есть основания сомневаться в вашем достойном поведении.

– У вас нет оснований думать так сегодня.

– Я видела из окна, как вы подходили к дому. Вы выглядели чересчур веселым и счастливым.

– Вы ставите в вину человеку то, что у него хорошее настроение? Черт, вы и вправду строгая.

– Во время визита в «Редкие цветы» вы были просто в хорошем настроении, но сегодня вышли за пределы. Полагаю, что вы не раз наполнили свой бокал и сейчас изрядно навеселе.

– Мой бокал и вполтину не наполнялся так, как мне хотелось бы, и сейчас я сожалею о своей сдержанности.

– Вы просто проигнорировали правила приличия, принятые в этом доме, и вторглись в мою спальню! Я бы сказала, что вы утратили всякий здравый смысл. Вы никогда не сделали бы ничего подобного во вторник.

– По вторникам я чертовски скучный и некомпанейский человек, да еще и жестокий, помните?

– А во все остальные дни вы просто пьяны. Я не принимаю нетрезвых мужчин и не могу согласиться на ваш светский визит, если вы не в состоянии удержаться от выпивки.

Она решительно отказывалась уступить и извиниться. Невероятно!

– Я не говорил, что это светский визит. С вашей стороны слишком самонадеянно так думать.

Дафна вздохнула так, что напомнила ему Хоксуэлла, когда тот впадал в крайнее раздражение.

– Я не приму вас, если вы в нетрезвом состоянии. Если нужно будет поговорить о деле, если вам потребуется от меня информация, могущая повлиять на ваше решение, мы встретимся специально, но не здесь. – Она расправила плечи, подняла свой чертов невидимый щит и посмотрела на Каслфорда с холодной решимостью. – А сейчас я вынуждена просить вас удалиться.

Проклятие, она просто вышвыривает его вон!

Ей повезло, что у него такое хорошее настроение. Ее манеры всего лишь щекотали самолюбие, а не вызывали ярость. Тем не менее своим высокомерием она словно подстрекала его. Черта с два он отступит, не подразнив ее немного.

Дафна с такой свирепостью держала спину прямой, что напоминала Каслфорду фарфоровую статуэтку. Он посмотрел поверх ее плеча, привлекая к себе внимание, и не приложил ни малейшего усилия сделать вид, что рядом с ней нет кровати.

Каслфорд ни на что не намекал, он всего лишь обвел взглядом кровать вместе с дамой, чем вынудил ее признать интимность их спора, возможности, вытекающие из их уединения, и тот факт, что он уже успел позволить себе больше фамильярности по отношению к Дафне, чем следовало из ее сегодняшнего поведения.

Выражение ее лица не изменилось ни на йоту, взгляд не дрогнул, однако щеки еще больше порозовели. Каслфорд не отводил взгляда до тех пор, пока румянец не сгустился.

И тогда глаза отвела Дафна.

– Мы поступим так, как вы желаете, – сказал Каслфорд. – Я хотел избавить вас от неудобств официальных совещаний, но если таковы ваши предпочтения, я не собираюсь причинять неудобства самому себе. Приходите ко мне завтра в девять часов, и мы обсудим вопрос, который привел меня к вам сегодня.

– В девять часов?! Это варварство! А что до места... думаю, лучше встретиться в парке.

– Как я уже сказал, я собирался избавить вас от неудобств, но за мое великодушие услышал лишь нудные упреки. Поэтому в следующий раз мы встретимся так, как удобно мне, в то время и в том месте, где ваше дело не помешает моим привычкам. То есть в девять утра в моем доме. – Подойдя к двери, он поклонился. – До завтра, миссис Джойс.

Глава 7

Будет неточностью сказать, что слуги на Парк-лейн сочли неожиданное появление Дафны помехой. Тем не менее она подозревала, что нарушила их планы на безмятежные несколько недель.

Самые лучшие отправились вместе с Одрианной и Себастьяном, а оставшиеся были еще слишком молодыми и неопытными. Дафна не сомневалась, что Каслфорд не осмелился бы подняться без приглашения в личные комнаты, если бы все слуги были на месте. Однако он осмелился, и она снова чувствовала себя загнанной в угол. Теперь ей ничего не оставалось, как пойти на деловую встречу к нему домой. Чтобы подготовиться, Дафна встала еще до рассвета. Горничная, которая пришла помогать, зевнула ей прямо в лицо.

Умываясь и одеваясь, Дафна обдумывала планы на эту неделю пребывания в Лондоне, которые составляла вчера, до появления Каслфорда. Разумеется, она постарается повлиять на его решение по поводу земли. Дафна надеялась, что в будущем сумеет повести себя лучше, чем до сих пор. Но кроме того, она решила воспользоваться тем внезапным порывом, который возник у нее во время разговора с Верити. Имеет прямой смысл использовать это время для развития своего бизнеса. Возможно, через несколько дней от бизнеса ничего не останется, но если дело с Каслфордом повернется в ее пользу, она сможет еще больше помочь преуспеванию «Редких цветов».

Пока горничная причесывала ее, взгляд Дафны упал на вчерашнюю газету. Та заметка про Латама не выходила у нее из головы. Невозможно не думать о том, что теперь он в Англии. Похоже, светское общество будет превозносить каждое его высказывание и выяснять его мнение по любому поводу. Его роль нравственного философа станет неоспоримой.

Дафна так неизящно фыркнула, что руки горничной замерли в воздухе. Она жестом велела девушке продолжать.

Латам – лицемер. Эти эссе, вышедшие из-под его пера, просто смехотворны. Он может изображать из себя порядочного человека, но о нем нельзя сказать ничего хорошего. К несчастью, он обладал талантом скрывать свою истинную натуру, пуская в ход обаяние и красноречие. Даже члены его собственной семьи не понимали, насколько он низкий человек, не испытывающий ни малейшего сочувствия к другим.

За исключением Каслфорда, напомнила себе Дафна. Он сразу же вызвал к себе ее расположение, высказав свое резкое мнение о Латаме. А все остальные, похоже, остаются в счастливом неведении.

Дафна посмотрела в зеркало, оценивая работу горничной, и тут же отвела взгляд, не желая смотреть себе в глаза. Все остается в неведении, потому что те, кто знает правду, никогда не разоблачат Латама. Он позаботился о том, чтобы люди, которые могут обвинить его, не смогли бы ему навредить из-за своей беспомощности. Он полагается на то, что уязвимость оставит их в замешательстве, а трусость заставит молчать.

Конечно, Каслфорда нельзя отнести к беспомощным или бессильным. И все-таки, порвав с Латамом, он его не разоблачил.

Разумеется, они родственники, две горошины, обитающие в общем исключительно привилегированном стручке. Возможно, в этом причина, и это логично, учитывая, как построен этот мир. И все-таки она сердилась, понимая, что Каслфорд мог бы поступить по-другому. Он мог бы избавить многих хороших людей от больших огорчений.

Дафна надела скромную шляпку, взяла перчатки, потянулась за ридикюлем, и взгляд ее снова упал на газету.

Какой властью он обладает? Насколько он сейчас честолобив? Сколько еще уязвимых людей сумеет ранить? Его действительно необходимо остановить, и Дафна не против сделать это.

Пока она в Лондоне, нужно выяснить все, что можно, о доказательствах его грехов и уточнить, там ли они скрыты, где она предполагает. Если она поведет себя достаточно умно, может быть, узнает кое-что прямо сегодня, на предстоящей ей встрече.

Ну, допустим, у нее все получится – что тогда? Она не уверена, что ей хватит мужества открыть миру истинное лицо Латама. Хуже того, она не думает, что сможет сделать это, не раскрыв тайны о прошлом пострадавших от него людей.

Нет, она решит, как быть, если когда-нибудь предстанет перед выбором. Она взвесит все «за» и «против» и для себя, и для других после того, как это скромное начинание вырастет в нечто большее, чем праведные устремления.

На этот раз слуга у двери Каслфорда обошелся без вышитой ливреи. Дафна решила, что капитан стражи просто еще не занял свой пост. Ни в один нормальный дом не приходят посетители в такой смехотворно ранний час.

Они прошли сквозь приемный холл и поднялись вверх по лестнице, где на потолке резвились римские боги. К удивлению Дафны, ее повели не в гостиные и дальше, в ту продуваемую сквознячками комнату. Слуга повернул, пересек лестничную площадку и стал подниматься на следующий этаж.

Скорее всего там, рядом с покоем герцога, находится и кабинет. Так ему никто не будет мешать. Дафна понадеялась, что мистер Эдвардс уже на своем посту, а уж она позаботится о том, чтобы Каслфорд в этот раз не отослал его под каким-нибудь надуманным предлогом.

Шагая следом за слугой, Дафна собиралась с духом, готовясь к сражению. Нужно будет сразу же заставить герцога говорить о деле, не позволяя ему отвлекаться, как он любит, на каждое слово или замечание. Она сумеет искусно направить разговор в нужную сторону.

Дафна решала, как это лучше сделать, когда слуга в парике остановился у высокой двери. Она все еще обдумывала свою задачу, как вдруг тот отошел в сторону, пропуская ее внутрь.

Дафна застыла на месте. Это вовсе не кабинет! Судя по всему, это гардеробная!

Она походила на большую гостиную, несмотря на выстроившиеся вдоль одной стены платяные шкафы, умывальник и туалетный столик у окна. Кресла, софы, столы и прочая мебель, позолоченные лепные украшения – все это выглядело как личная гостиная в лучших домах, которую используют, чтобы, словно в святилище, принимать ближайших друзей.

Дафна с трудом сдерживала свой гнев. Если Каслфорд думает, что она согласится на встречу с ним именно здесь, то сегодня ему придется узнать новое значение слов «строгая» и «упрекать».

– Сюда, мэм, – пригласил ее слуга. Он стоял у другой двери и ждал. Облегченно вздохнув, Дафна подошла к нему. Разумеется, кабинет является частью личных покоев, а эта комната просто туда ведет. Она отреагировала так резко, потому что Каслфорд вызывает у нее слишком сильные подозрения.

Дверь распахнулась, и Дафна тотчас же увидела, что не ошиблась в своем недоверии к герцогу, скорее, недооценила его.

Это вовсе не кабинет. Это его спальня!

Она заглянула внутрь. Похоже, комнату отремонтировали совсем недавно, позднее, чем весь остальной дом, и она не щеголяла такой неумеренной роскошью, как прочие. Здесь господствовал классический стиль – аккуратные зубчатые багеты, скромные орнаменты, стулья, стилизованные под римские. Дафну удивили цвета – в основном кремовые и голу-

бые в стиле мистера Веджвуда. Она-то предполагала, что Каслфорд предпочтет жить среди темных и красных оттенков, чтобы было много красного.

Герцог сидел за письменным столом, заваленным бумагами, и хмурился над каким-то письмом. Свет косо падал из ближайшего окна, отражаясь от металлических поверхностей чернильницы и подсвечников, заливал его недовольный профиль и подчеркивал золотые пряди в спутанных волосах.

Дафна с трудом оторвалась от созерцания этого лица, запретив себе думать о том, как красиво и интеллигентно он вдруг стал выглядеть, и внезапно увидела все остальное: темно-синий свободный шелковый халат, голую шею над воротником, отсутствие обуви и босые ступни.

Он еще не оделся! Он все еще в утреннем халате! И если она не ошибается, под шелком халата нет ничего, кроме голого тела.

Дафна резко втянула в себя воздух, шокированная его наглостью.

Каслфорд услышал, оглянулся, положил перо и встал.

– А, миссис Джойс. Вижу, вы весьма пунктуальны.

– Если вы полагали, что я опоздаю и вам требуется время, чтобы привести себя в презентабельный вид, я с удовольствием подожду, пока вы не подготовитесь к наступившему дню.

Каслфорд глянул на себя и пожал плечами:

– Нет никакого смысла ждать. Я же не лежу голый в кровати.

Дафна раздраженно замотала головой:

– Нет, это невыразимо!

– Имеется в виду: вы не будете ничего говорить? Я предпочту излагать дело сам. Кажется, сегодня утром я окажусь более интересным собеседником, чем вы, если это выражение расстройства у вас на лице – о, простите, вы называли это выражение крайним удивлением! – предупреждает о том, что вы готовы вот-вот осыпать меня упреками. – Он показал на один из римских стульев. – Не желаете присесть?

Дафна не хотела садиться. Она не хотела находиться наедине с этим мужчиной в его спальне, тем более когда он подобным образом одет. Он поступил так намеренно, желая наказать ее за то, что она выставила его вчера из дома. Тут Дафна подумала о «Редких цветах», напонила себе, ради чего она все это терпит, и села. Каслфорд остался стоять, глядя на нее сверху вниз, и в его темных глазах снова заплясали лукавые огоньки: он забавлялся, видя, как неловко она себя чувствует.

Вошли слуги с подносами и скатертью. Стол в центре спальни превратился в обеденный, заставленный серебром, фарфором и стеклом.

Когда слуги вышли, Дафна подчеркнуто посмотрела на синий утренний халат герцога.

– Если я смогла так рано встать и одеться, вы тоже можете, – произнесла она.

– Да будь я проклят, вы все-таки умудрились меня упрекнуть! Жду не дождусь дня, когда единственная ваша жалоба будет на то, что наслаждение слишком быстро закончилось.

Дафна лишилась дара речи. Он говорил с невинным видом, однако вот только что вслух объявил о своих намерениях!

– Вам пришлось выйти из дома и сесть в карету, миссис Джойс. Тут нельзя не одеться. Я же со своей стороны намереваюсь, закончив наше дело, лечь и поспать, хотя бы чуть-чуть, поэтому не вижу смысла одеваться.

Совершенно неприемлемая логика, хотя в его словах и был здравый смысл.

– Так вы что, еще не ложились?

– Ни на минутку, хотя велел лакею снять с меня башмаки и прочее. У меня все еще не закончилось вчера.

Это означает, что он всю ночь пил и таскался по женщинам. Ее вполне могли впустить, когда он и вправду лежал голый в постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.